

СОЗВЕЗДИЕ ХАОСА

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

По следам громких дел

Татьяна Степанова

Созвездие Хаоса

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Степанова Т. Ю.

Созвездие Хаоса / Т. Ю. Степанова — «Эксмо», 2018 — (По следам громких дел)

ISBN 978-5-04-090130-2

Криминальный обозреватель Пресс-центра ГУВД Московской области Екатерина Петровская приезжает в подмосковный научный городок ЭРЕБ. В греческой мифологии Эреб — это Вечный мрак. Сын Хаоса и Тьмы. Стоит ли удивляться, что в городке происходит серия чудовищных преступлений — зверски убивают женщин, а их тела обряжают в карнавальные костюмы мух. Катя подключается к сложному и опасному расследованию. Руководит им начальница местного ОВД, чья фамилия, по странному совпадению, — Алла Мухина. И в первый же день Катя знакомится с харизматичным экс-космонавтом Константином Чеглаковым, который пишет страшные картины открытого космоса. Именно в его доме Катя сталкивается с первой загадкой, подброшенной щедрым на тайны Эребом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090130-2

© Степанова Т. Ю., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	33
Глава 8	35
Глава 9	38
Глава 10	44
Глава 11	47
Глава 12	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Татьяна Юрьевна Степанова

Созвездие Хаоса

Роман

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Степанова Т. Ю., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Глава 1

Скрытый мрак

Март

Ночь выдалась ясной и тихой. Такие случаются, когда в марте после оттепели возвращаются ночные холода. Днем светит солнце, растапливая придорожные сугробы, пятная грязный снег лиловыми тенями, заставляя лед сочиться влагой, источая ее как сок из ледяных пор. Заливая дорогу и асфальт талой водой.

Но с темнотой зимний холод возвращается, превращая придорожные сугробы в твердый камень, асфальт – в ледяной каток, а небо – в бездонный черный купол, раскинувшийся над рекой и городом.

Водитель рейсового автобуса Андрей Ржевский любил такие ночи и никогда не возражал против работы в ночную смену. Вот и сейчас он пересек пустой двор автобусного парка, взглянул в темное небо, вставил в уши наушники старенького плеера. И поднялся по ступенькам в салон, включил свет, отодвинул дверь кабины, сел за руль и...

Клавесин.

Музыка барокко звучала в ушах громко и требовательно. Рваный ритм пьесы не вязался с пустотой и молчанием ясной мартовской ночи. Музыка для водителя автобуса не являлась лекарством от бессонницы, нет.

Она лишь добавляла гармонии...

Или дисгармонии – всему.

Окружающему сонному миру.

Темному звездному небу.

Маленькому городку, замершему от мартовской стужи, притулившемуся на берегу большой реки и водохранилища.

Городок, который водитель автобуса не любил, но ценил за интеллигентность и хорошие манеры, привитые поколениями его обитателей, мерцал огнями уличных фонарей.

Водитель автобуса не обольщался на его счет – городок был не так прост и лжив. Он казался наполненным неистовой силы, властвовавшей в нем с некоторых пор. Он был полон тайны и скрытого мрака. И этот мрак сопротивлялся любому свету – солнечному, звездному, лунному, электрическому.

Скрытый мрак угнездился здесь и пустил корни в почву, в крыши, в стены домов.

Если бы тьму этого места можно было вычерпывать горстями, словно стылую воду реки, она бы затопила мир, и он окончательно превратился в юдоль печали и слез. И боли. И страха.

Да, страха, что жил здесь и вибрировал, словно туго натянутая струна.

Водитель Ржевский закрыл двери автобуса и тронулся с места. Его обычный рабочий маршрут – первый рейс: петля по всему городку, шоссе, поселок и дальше – Дубна, городские кварталы, железнодорожный вокзал, станция Большая Волга.

Автобус подбирал первых пассажиров, торопившихся на электрички до Москвы и на первый утренний экспресс до Савеловского вокзала.

Но было еще слишком рано.

И слишком темно.

На четырех остановках в автобус никто не сел.

Водитель продолжал свой путь – одинокий во мраке ночи.

Звезды над Большой Волгой.

Клавесин...

Эта пьеса с рваным ритмом, что так не подходит к вечному покою и тишине ночной.

Но зато почти синхронна, аутентична скрытому мраку...

Свет фар рассекает тьму, как лезвие ножа – черное желе.

Бог знает из чего оно приготовлено, это ночное черное желе...

И звезды...

Кто тот небесный плотник, который приколотил их там, в вышине, к бескрайней бездне своим чудо-молотком?

Хоть бы одна звезда сорвалась и покатилась...

Можно загадать желание.

Ну, давай же, падай! Вали!

Водитель автобуса Андрей Ржевский медленно ехал по спящему городу, качая головой в такт звукам клавесина, слышимым лишь ему.

Падающую звезду он увидел над заснеженным полем уже на окраине.

И загадал желание.

Музыкальная пьеса в ушах, проигрываемая плеером, была все та же, но исполнялась уже не на клавесине, а на рояле. В музыке важны контрасты, а в жизни...

Звезда закатилась куда-то за леса, за поля, за реку. Все это длилось, как показалось водителю автобуса, излишне долго.

Он подъехал к остановке – обычная остановка на шоссе под одиноким фонарем и...

Сквозь открытые двери автобуса он увидел ЭТО.

Это было там, он видел собственными глазами.

Выдернул из ушей наушники плеера, медленно остановился, вышел из кабины, из салона, приблизился, не чуя под собой ног.

ОНА...

Это существо...

Это создание на обледенелой скамейке остановки.

Оно смотрело прямо на него. Пялилось своими ужасными глазами, в которых не было ничего человеческого.

Лишь свет фонаря отражался в них, словно в кусках льда.

Но это был не лед. Это были глаза.

И крылья...

Они тихо шуршали на мартовском ветру.

Водитель автобуса Андрей Ржевский услышал, как позади автобуса затормозил – резко, судорожно – автомобиль.

Хлопнула дверь. Ледяной наст затрещал под тяжелыми торопливыми мужскими шагами. Потом раздался хриплый испуганный возглас.

И женщина, ехавшая в той же машине, – позже оказалось, что это супружеская пара, возвращавшаяся из Москвы в городок под утро после театра и гостей, – закричала от ужаса. Нет, завизжала – потому что крик сразу сорвался на визг.

Когда приехала полиция...

А она приехала быстро – водитель автобуса Андрей Ржевский сам ее вызвал по мобильному – их сразу же попросили держаться подальше от остановки и одновременно не покидать места происшествия.

Водитель Ржевский вернулся к автобусу. Он видел все, что происходило дальше.

Как остановку опутали желтой полицейской лентой.

Как подъезжали все новые и новые полицейские машины.

Как один из полицейских подошел вплотную к этому существу и...

– Нельзя ничего трогать до приезда экспертов! – крикнул кто-то из его сослуживцев. – Надо убедиться. Надо сразу понять – это она или нет. Та, что пропала, или это кто-то, о ком мы еще ничего не знаем.

Жуткое создание на скамейке остановки на секунду заслонила фигура полицейского.

Водитель Ржевский не мог оторвать глаз от происходящего, как от падавшей за горизонт звезды.

Что-то черное взметнулось в воздух. Глаза, в которых отражался свет, погасли.

Водитель Ржевский увидел голову.

Она свалилась набок, словно у тряпичной куклы, словно там, внутри, не было ни костей, ни мускулов.

Синюшный, багровый цвет кожи, вывалившийся язык.

– Это она... но...

– Та, что пропала...

Водитель автобуса Ржевский ощутил, как мышцы его лица словно одеревенели. Он не мог совладать с собой, он не мог справиться – это было выше его сил.

Кто-то остановился рядом с ним. Он почувствовал на себе чей-то взгляд.

Полицейский.

Из тех, кого он сам вызвал.

Сюда, в это место, где скрытый мрак вновь явил себя городу и миру.

– Чему вы улыбаетесь?

– Я... нет... это судорога...

– Чему ты улыбаешься?!

– Нет, нет же... это нервное. Я просто очень испугался.

– Это вы ее нашли? – Полицейский, кажется, тоже плохо владел собой.

Его взгляд был прикован к лицу водителя автобуса. Ползал по нему, словно муха. Надоедливая муха – внимательная, дотошная, настырная...

– Я ее увидел... там...

– Как в прошлый раз? – спросил полицейский. – Я вас знаю.

– И я вас, – ответил водитель Ржевский, собравшийся с силами. – Вы и в тот раз были... приезжали... Это маленький город. Тесный.

– *Тесный?* – полицейский хотел еще что-то сказать. Водителю Ржевскому даже показалось, что он сейчас расстегнет кобуру и достанет оружие.

Но в этот миг приехали эксперты. И большое начальство. И все смешалось и закружилось в новом вихре.

Супружеская пара стояла рядом со своей машиной. Их тоже не отпускали с места происшествия. Муж крепко обнимал жену за талию. Она рыдала на его плече.

– Это ужасно... что это такое? Эта мерзость, которая там на ней... Это снова произошло, да? Это опять... опять...

Водитель автобуса подошел к ним, встал рядом – они ведь тоже свидетели. Их всех троих полицейские будут допрашивать все утро, а может, и весь день.

Он видел остановку. Это создание...

И крылья...

Они все шуршали на ветру как нечто искусственное и одновременно пугающе живое.

Скрытый мрак являл себя сетью черных линий, скрещенных, переплетенных на прозрачной, отражающей свет слюде.

Скрытый мрак подбирался все ближе.

Глава 2

ЭРЕБ

Октябрь

Что-то было не так. Напряжение ощущалось в самом воздухе, в самой атмосфере. Катя – Екатерина Петровская, криминальный обозреватель Пресс-центра ГУВД Московской области – почувствовала это, едва переступила порог отдела полиции.

Даже раньше, когда подъехала на такси к двухэтажному кирпичному зданию – старому, но тщательно отремонтированному, расположенному на тенистой, засаженной липами и платанами улице, полыхавшей осенним багрянцем и более похожей не на главную улицу маленького городка, а на парковую аллею.

Что-то было не так во всем, это сразу бросилось ей в глаза. Странный контраст между почти сонной улицей и напряженной суетой, что клубилась вокруг маленького полицейского отдела, – суетой, тщательно скрываемой от посторонних, окутанной гробовым молчанием недомолвок, уклончивых ответов и напускного благодушия.

Эти впечатления лишь усилились, когда Катя переступила порог ОВД и подошла к стойке за стеклом, где за пультом и перед экраном компьютера сидел дежурный.

Катя показала удостоверение, спросила, где кабинет начальника ОВД подполковника Аллы Мухиной.

– На втором этаже. Ее нет на месте. – Дежурный, внимательно осматривал Катю с ног до головы.

– Нет? Но мой шеф ей вчера звонил. Договаривался об интервью. На одиннадцать утра. Я здесь.

– Она уехала сразу после оперативки. Возможно, скоро будет. А возможно, задержится. А вы из Главка? По какому вопросу?

«А какое тебе, собственно, дело, капитан?» – Дежурный начал уже раздражать Катю. Но она взглянула в его встревоженное лицо и ей как-то расхотелось вступать с ним в спор.

В эту минуту двери ОВД распахнулись, появился мужчина – крупный, потный, лет сорока пяти, одетый в шерстяной свитер и жилет-пуховик нараспашку.

– Есть новости? – спросил он.

– Пока нет. Я же сказал – мы вас известим. Она могла просто уехать, поймите. Мы и так уже... Прошло всего два дня.

– Я обзвонил всех ее подруг в Дубне. У них ее нет. Никому она не звонила, ни с кем не общалась. У матери в Твери ее тоже нет – я в Тверь звонил.

– Она могла уехать от вас не к подругам и не к матери.

– Что вы хотите этим сказать? – мужчина в жилетке-«дутике» вплотную приблизился к стеклу.

– Ничего. Вы успокойтесь, пожалуйста. Воды хотите?

– Не нужна мне ваша вода.

– Ну, присядьте. Подождите. Может, пойдут звонки. Мы и так уже... учитывая все прежние обстоятельства... Мы ищем.

Мужчина секунду смотрел в монитор компьютера на стойке дежурного за стеклом, затем как-то отчаянно всплеснул руками и выскочил вон из отдела.

– Что случилось? Кого вы ищете? – спросила Катя. – Кто-то пропал?

– У него жена сбежала, – ответил дежурный. – Семейные дразги. А вы что, правда пресса из Главка?

Катя кивнула. Глянула в окно.

Во двор ОВД на всех парах въехала патрульная машина. Толстяк в жилетке кинулся к ней. О чем-то долго говорил с патрульными, нервно жестикулируя. Они явно пытались его успокоить. Потом один патрульный вышел, закурил, предложил мужчине сигарету, но тот лишь снова замахал руками. Тогда патрульный открыл дверь машины – толстяк плюхнулся на заднее сиденье, и они уехали.

Катя вышла во двор. Липы обступали его со всех сторон. Катя полной грудью вдохнула воздух. Река... Пахнет рекой, сырой землей, мокрой древесиной, грибами. Не городской какой-то запах – дачный.

По улице проехал велосипедист. За ним еще один. И еще один. В городке обожали велосипеды, так же как и в соседней Дубне.

Катя произнесла про себя название города.

ЭРЕБ.

Когда она услышала его вчера от шефа – начальника пресс-службы, сначала подумала, что тот шутит или разыгрывает ее.

ЭРЕБ.

Это лишь в мифах...

Сын Хаоса и Тьмы. Отец Смерти.

ЭРЕБ – вечный мрак, который...

Катя оглянулась.

Еще один велосипедист. Молодая женщина с коляской. Проехал грузовичок с надписью на кузове «Пластиковые окна».

– Экспериментально-рекреационная база. Сокращенно ЭРЕБ, – сказал вчера шеф, когда вызвал ее к себе. – Когда-то носил имя Зеленый, но оно не прижилось. Еще восемь лет назад он являлся закрытым муниципальным образованием – закрытым городом рядом с Дубной. Имел тот же статус, что и Звездный городок. Сейчас это открытое муниципальное образование. Странно, что все эти годы нога сотрудников нашего Пресс-центра туда не ступала. Хотя это теперь и открытый город – но там цепко держатся за свои традиции. А интересного там много – так же много, как в Королеве и Звездном. Ну, может, не так, как в Звездном, однако... Эта самая Экспериментально-рекреационная база напрямую связана с исследованиями космической медицины. Вся жизнь городка со дня основания вертелась вокруг базы – НИИ и научно-производственного комплекса «Прометей». Это городок ученых. Даже в большей степени, чем Дубна. В Дубне есть и промышленные предприятия. А здесь – только чистая наука. Эксперименты.

– Лучше бы назвали город «Прометеем», чем ЭРЕБом, – заметила Катя. – А к чему, собственно, вся эта информация?

Начальник Пресс-центра выдержал паузу. А затем нейтральным тоном начал рассуждать – что вот, мол, в последнее время о сотрудниках полиции мало хорошего пишут, один негатив. Надо как-то своими силами выправлять ситуацию. Писать о сотрудниках, о династиях профессиональных в правоохранительных органах. И вот как раз есть такой человек – начальник ОВД в этом самом открытом муниципальном образовании, поселке городского типа ЭРЕБ, – подполковник полиции Мухина Алла Викторовна. Более тридцати лет выслуги в одном отделе! А до этого начальником ОВД в городе был ее отец. И семья у нее – все полицейские: и дочка, и зять.

Снова выдержав маленькую паузу – с чего бы? – он самым нейтральным тоном предложил Кате съездить в ЭРЕБ на два дня – взять интервью у подполковника Аллы Мухиной, написать

очерк о ее семье, династии полицейских. Об особенностях службы полиции в городке «чистой науки».

В ЭРЕБе...

Сыне Хаоса и Тьмы...

Отце Смерти...

Катя подумала об этом в экспрессе «Москва-Дубна», что мчал ее с Савеловского вокзала в маленький город на берегу Большой Волги.

Но все эти вроде бы неуместные причудливые ассоциации мигом рассеялись, едва она сошла на станции Большая Волга, поймала такси, назвала адрес и затем увидела и реку, и водохранилище, и Дубну – приятную и тихую, и шоссе, и прекрасные новые микрорайоны, и отличные гостиничные комплексы, и осенний лес, поражающий своей первобытной красотой.

По навигатору от Дубны до города было всего пятнадцать минут, но таксист вез ее какой-то «петлей». «Иначе нельзя, здесь ландшафтно-террасный заповедник, – пояснил он. – Город как бы скрыт в нем или укрыт. Шар будете смотреть?»

Катя спросила: какой еще шар?

«Научный, огромный, в лесу, – заулыбался водитель. – Туристы любят внутрь соваться – там акустика волшебная. Хотите, заедем в поселок – тут близко. Ученые сделали».

Катя сказала, что ей не до шара, не до здешних достопримечательностей, что она по делам в ЭРЕБ...

Назвала имя городка и словно поперхнулась.

Сын Хаоса и Тьмы...

Отец Смерти...

Он оказался таким милым, этот ЭРЕБ – Экспериментально-рекреационная база! Таким уютным.

Первым, что Катя увидела, когда они въехали в пределы города, как раз и была эта база – группа зданий посреди чистого поля, большого и пустого, окаймленного лесом ландшафтного заповедника. Бетонная дорога, стеклянная будка КПП, а за ней – здания ярких цветов: синего, оранжевого, зеленого. Постройки семидесятых, но обшитые модными сейчас разноцветными панелями, и два здания новых – целиком из стекла, словно перенесенные сюда из недр Силиконовой долины.

Узкая дорога обогнула их, и сразу начался сам городок. Никаких хрущевок – двухэтажные коттеджи на две-четыре семьи – старые, из темно-красного кирпича. Кирпичные девятиэтажки, новый торговый центр на площади и снова двухэтажные коттеджи, некоторые с палисадниками, другие за невысокими заборами – старые и новые. Много спутниковых антенн на крышах. Велосипедисты, велосипедисты, стойки для велосипедов, как в Москве.

И липы, липы, платаны. Рябина в багрянце.

Машины. Невысокие административные здания. Что-то пузатое с колоннами – то ли клуб, то ли маленький концертный зал.

И опять липы, липы. Желтая листва. Тихий октябрь.

Разводы зеленого мха на темных стволах.

Запах реки, что не видна с главной улицы.

ЭРЕБ.

Катя готова была признать, что не видела более милого и живописного города в Подмосковье.

Но что-то было не так.

Во всей этой внешней безмятежности что-то было уж слишком нарочитым, отдававшим фальшью.

И затем, вступив в пределы ОВД, Катя лишь укрепилась в этом ощущении.

Не увидишь, но почувствуешь.

Что-то здесь не так.

Она стояла во дворе отдела. Ждала подполковника Аллу Мухину, с утра уехавшую неизвестно куда, хотя вчера вечером сам шеф пресс-службы с ней договорился об интервью и сообщил о приезде Кати.

В том, что начальники местных ОВД порой игнорировали сотрудников главковского пресс-центра, не было чего-то уж слишком необычного, из ряда вон – сплошь и рядом.

На этот счет Катя никогда не обольщалась и не комплексовала. Что ж, подождем.

Но эта атмосфера в отделе...

Это напряжение, что так пытались скрыть от чужих, от приезжих из Главка.

От прессы...

Катя насторожилась.

И решила ждать Мухину хоть час, хоть два.

Но надо куда-то пойти – купить кофе горячего. На площади – в торговом центре есть кафе и пиццерия – она видела вывеску, когда проезжала на такси. До площади – три шага от отдела. И там есть туалет.

Катя вышла на улицу, похожую на парковую аллею. Велосипедист, проехавший мимо, улыбнулся ей. Молодой. Похожий на ангела – кудрявый блондин в серой толстовке с капюшоном.

– Вы из Москвы? В городскую администрацию? К нам?

Катя обернулась.

На нее внимательно, с любопытством смотрели две женщины.

И тут только до нее дошло, что городская администрация – маленькое двухэтажное здание в виде коттеджа из красного кирпича, которыми был застроен ЭРЕБ, – напротив ОВД. Улица такая узкая, что из окон администрации отлично видно все, что творится во дворе ОВД, как приезжают и уезжают патрульные машины. Вся эта странная суета.

Женщины вышли из администрации – одинакового роста, давно перешагнувшие свой сорокалетний порог. Но на этом сходство кончалось. Они были абсолютно разными.

Крашенная блондинка – крепко сбитая, широкоплечая, с крупными руками, одетая в деловой серый костюм и белую блузку. На руке – светлый плащ, в другой руке – деловая папка. Единственное яркое пятно – шелковый шарф из дорогого магазина. Цвет помады нейтральный, светло-розовый, но губы накрашены густо. А глаза, серо-голубые, внимательно разглядывали Катю, одиноко застывшую на краю двора ОВД.

Вторая – ровесница блондинки, полная, но проворная в движениях, темноволосая, с короткой стрижкой, с родинкой на верхней губе, одетая в черный шерстяной свитер и черные брюки. На полной груди в такт шагам подпрыгивают бусы из деревянных шариков. На запястьях – браслеты из полированного дерева. На плече болтается старая сумка-мешок из искусственной кожи.

– Вам надо заглянуть к нам в музей, Анна Сергеевна, самой оценить экспозицию. Посмотрите заодно материалы и к нашей следующей выставке, – темноволосая женщина в брюках говорила все это заискивающим тоном, торопясь за блондинкой Анной Сергеевной, широко шагавшей к припаркованной у тротуара серебристой иномарке.

– Выберу время – зайду, – ответила блондинка, оглянулась через плечо и громко спросила Катю: – Вы кого-то ждете? Главу администрации? Вы из Москвы?

«Словно из окна следили. Видели, как я на такси приехала? А что, московские так сразу бросаются в глаза даже здесь, в ученом академическом оазисе? Что-то не похоже», – подумала Катя.

– Я жду Аллу Викторовну Мухину, начальника ОВД.

– А по какому вопросу? – спросила блондинка резко.

Катя недоуменно подняла брови – то есть что за вопрос такой?

– Я замглавы городской администрации. Ласкина, – сказала блондинка Анна Сергеевна. – А вы?

Катя официально представилась.

– Пресс-центр? Полиция? Пресса? По какому поводу к нам в город? Вы из-за этого... да?

– Мы договорились с Мухиной об интервью.

Катя вдруг поняла: поспешный ответ лишил ее возможности узнать, что имела в виду Ласкина.

Из-за этого... Из-за чего?

Она заметила, как спутница Ласкиной, брюнетка в брюках, на них смотрит. Оживленное, заискивающе приветливое выражение лица сменилось напряженно выжидательным. И что-то еще отразилось в чертах этой женщины – тревога, беспокойство?

Катя не уловила этих мимолетных перемен. Она ведь даже не знала их – этих двоих.

– Наверное, она... Мухина скоро будет, – сказала Ласкина.

И пошла к машине, пикнула сигнализацией, села за руль. Ее спутница поплелась по аллее пешком к городской площади.

Катя снова осталась одна.

Она ждала подполковника Мухину полтора часа. Хотела сходить за кофе, как планировала, а потом передумала – уйдешь, а начальница местной полиции вернется и снова куда-нибудь умчится.

Алла Мухина приехала на полицейской машине с мигалкой вместе с двумя сотрудниками ОВД. Вид у всех троих усталый. Мухина была в форме – лишь поэтому Катя ее и узнала: женщина-подполковник с замашками шефа полиции.

Алле Мухиной твердо можно было дать ее пятьдесят три. Волосы она тоже красила в блондинистый цвет, как и замглавы местной администрации, но за лицом и собой следила из рук вон плохо. У губ залегли две резкие складки-морщины. Такая же резкая складка на лбу над переносицей. Никакой косметики, даже тонального крема. Подполковник источала запах ванильного мыла и форменного сукна. Она казалась худой, как щепка, и невысокой. Форменные брюки пузырились у нее на коленях, шнурованные ботинки были замазаны глиной.

Катя и ей представилась по полной форме.

– Интервью? А, вчера... да, звонили из Главка. Пойдемте ко мне, – сказала Мухина, окинув Катю взглядом.

Они вошли в отдел. Сотрудники, что приехали с Мухиной, тихо разговаривали с дежурным.

У Мухиной зазвенел мобильный.

– Да? Только что вернулись... Весь сектор, до реки. Да и лес прочесываем. Но это если и есть, то не в лесу. Да, проформа, но мы обязаны... Да, будем продолжать. Я сидеть сложа руки не намерена, – Мухина бросала это кому-то в мобильник тихо и настойчиво. – Если сама найдется... мы торт купим и водки выпьем, отпразднуем... Нет, это не напрасные усилия. Мы должны искать, пусть и времени прошло еще недостаточно для...

Мухина перехватила Катин взгляд и нажала на кнопку – отбой.

– Кабинет мой последний справа, – сказала она Кате, кивая на пустой коридор. – Идите. Я только руки вымою.

Она двинулась к туалету.

Катя пошла по коридору.

Слева в двери вдруг щелкнул ключ – кто-то изнутри открыл дверь, которая распахнулась. Катя увидела серого человечка – заморенного очкарика в спортивной куртке. Он придерживал под мышкой ноутбук.

А за ним – лишь на миг Катя увидела внутри кабинета стену, на ней – большую информативную доску, сплошь покрытую крупными увеличенными фотографиями и прищипленными листами бумаги, картой местности и...

Очкарик с ноутбуком с грохотом захлопнул дверь. И закрыл ее на ключ.

Там что-то было, на этих увеличенных снимках.

Катя не успела разглядеть.

Эта доска – наглядная демонстрация.

Во всех триллерах всегда фигурирует подобная доска, где жертвы...

Катя оглянулась. Мухина вышла из туалета и теперь шепталась с очкариком. Тот щелкал по крышке ноутбука пальцем.

Что здесь происходит?

Что может случиться в Эребе?

– Ваш шеф звонил мне, – сказала Мухина, открывая ключом свой кабинет – стандартный, как и во всех ОВД, но маленький. – Интервью типа обо мне?

– О вас. О династии сотрудников правоохранительных органов – я знаю, что вы из полицейской семьи. Что ваш отец много лет возглавлял этот отдел. – Катя села на предложенный стул напротив Мухиной, расположившейся за своим столом с пустой столешницей. – Что и дочка ваша тоже пошла по семейным стопам. И зять работает в полиции. Мне бы хотелось написать о вас, вашей работе, о вашей семье. Как вам удастся совмещать службу, работу и дом. Это ведь такой необычный город – даже интереснее, чем Дубна. Город науки и космоса. Такой же необычный, как Звездный городок, но открытый теперь и...

– Звездный городок все последние годы сотрясали дикие скандалы – коррупция, взятки, – сказала Мухина. – У нас этого нет. Наука – да... Ученые... Мне еще папа говорил: надо понимать, с кем имеешь дело. Они не такие, как мы. Для ученого полет мухи восьмеркой под потолком – символ законов физики и аэродинамики, плод размышлений о возможностях двигателей будущего. А мы за мухобойкой тянемся, чтобы это чудо прихлопнуть. А вы лишь поэтому приехали к нам?

– Да. – Катя кивнула.

Опять все тот же вопрос. Что они все имеют в виду – дежурный, Ласкина из администрации и эта начальница полиции?

– Я вынуждена вас разочаровать, солнце мое, – сказала Мухина. – Папа мой умер от рака, и я не желаю о нем говорить с посторонними. Тем более чтобы имя его было в прессе. Начнешь говорить о прошлом, о его работе – надо сказать и о смерти. А я не хочу. Не могу смириться, что он умер. Дом я никак со службой не совмещаю, потому что и дома-то никакого у меня нет в обычном житейском женском смысле. Мужика своего я давно выгнала. Он мне изменял – такой кобель! Зять с дочкой не расписаны были – жили в гражданском браке. Считайте, она дуриком залетела, простушка влюбленная. Только что после школы полиции – и сразу памперсы-погремушки. Парень ее сразу же бросил – он в уголовном розыске тут обретался, такой охальник! Сбежал в Дубну, перевелся в отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Моя-то дурочка на алименты подала – оказалось, у него еще двое незаконных, один в Твери, второй в Кимрах. Но внук хороший получился, горластый. Вырастет, наверное, таким же красивым, как папаша, и таким же хмырем-бабником. Дочери сейчас здесь, в городе, нет. Я ее с внуком отправила в Москву к сестре, пока она в отпуске по уходу за ребенком.

Катя поняла, что ее отшивают. Вот так сразу. Почти не скрывая нежелания общаться.

Тогда зачем же Мухина в разговоре с шефом Пресс-центра дала согласие на интервью?

– Могли бы сразу нас отбрить по телефону, Алла Викторовна, – сказала Катя, поднимаясь со стула. – Не ехала бы я в такую даль на дубнинском экспрессе.

– Прокатались зато. Шар в лесу видели? – спросила Мухина.

– Сейчас на обратном пути посмотрю. Таксист предлагал – но я к вам торопилась.

– Ученые хохмят. Там акустика чудная. Такие странности порой люди изобретают! *Такую жуть...* Да, насчет странностей... ваш начальник Пресс-центра, он...

– Что? – спросила Катя.

– Да нет, ничего, – Мухина опустила глаза. – Мне правда жаль, что так вышло. Но сейчас, куда ни глянь, все сплошная пышная говорильня. Пафосный пердеж. А я для этого не гожусь, солнце мое.

– Все равно рада была с вами познакомиться, подполковник. И увидеть ваш город. Эреб.

У Мухиной резко зазвонил телефон внутренней связи.

– Да, слушаю... Что, нашли?

Катя увидела, как изменилось лицо начальницы полиции.

– Нет... О черт, нам только этого сейчас не хватало! Только что обнаружили? А сам он где? Как некстати все это. Ну да, конечно, куда денешься... Да, я сейчас выезжаю. Опергруппу туда давайте и экспертов.

Катя повернулась, чтобы покинуть кабинет.

– Подождите, Екатерина... Я подумала – ну, что вы не зря все же к нам... в такую даль. Возможно, это вас заинтересует. Если желаете, можете поехать со мной прямо сейчас.

– Куда?

– На происшествие, – Мухина смотрела на Катю, как и все они здесь в этом Эребе, словно оценивая. – Такие вещи нечасто попадают в средства массовой информации.

Глава 3

Кладбище

Брюнетка в черных брюках и свитере с сумкой-мешком, встреченная Катей у здания городской администрации, миновала площадь и свернула на улицу Роз – так в городке именовали Пятую Парковую.

Здесь со дня основания города перед маленьким зданием краеведческого Музея науки и общества был разбит прекрасный розарий – обширная клумба, для которой маститые ученые, профессора и академики в прошлые «закрытые времена» выписывали самые редкие и прекрасные сорта роз.

В настоящем клумба-розарий уже не могла похвастаться редкими сортами. Но городские власти исправно высаживали самые обычные дешевые розы и розовые кусты – обильно и пышно, на радость горожанам.

Брюнетка в брюках обогнула розарий, поднялась по ступенькам краеведческого музея и открыла старую скрипучую дверь с латунными ручками. В холле было прохладно, топить в городке еще не начали. Из окошка билетной кассы высунулась старушка, остриженная столь коротко, что казалась совсем лысой, но с жемчужными сережками в ушах.

– Амалия Иннокентьевна, кто-нибудь приходил? – громко спросила ее брюнетка, роясь в сумке в поисках ключей.

– Ни души. С самого утра сижу жду – ни одного посетителя на выставку. Город игнорирует нас, Нина Павловна. У людей напрочь отсутствует жажда познания, тяга к просвещению, – старушка-кассир вечно прикрывала горечь разочарования в человечестве едким стебом. – Ни одного билета на сегодня не купили. Молодежь гоняет на велосипедах, словно это не город, а велотрек.

Брюнетка Нина Павловна прошла через два музейных зала с высокими потолками. Мельком обозрела экспозицию, которую видела уже сотню раз: фотографии – черно-белые шестидесятых и семидесятых годов и цветные современные. Старые снимки, запечатлевшие историю Экспериментально-рекреационной базы – ЭРЕБа, некогда хранимые под грифом «секретно», а теперь выставленные в музейных витринах. И недавние снимки, где вся эта история продолжалась уже в новых декорациях, с новыми лицами. Сотрудники базы, основоположники, ученые-исследователи. И еще – та, которую знал весь город, потому что она была воистину знаменитой, талантливой и великой, как и ее соратники, учителя и друзья. Королева здешнего ученого роя... Матка экспериментального заповедника.

Нина Павловна скользнула взглядом по ее лицу – она всегда хотела быть похожей на нее. Такой же сильной.

Ну что ж, возможно, ей это удалось, и не только в смысле карьеры: она директор и хранитель здешнего музея. В маленьком городке это многое значит.

Но не это главное.

Главное, что она смогла стать сильной женщиной, как и королева здешнего ученого роя. И сила эта пригодилась. И еще пригодится.

Нина Павловна открыла боковую дверь, вошла в служебную зону и распахнула дверь кабинета с надписью: «Директор музея».

Здесь тоже было холодно, как только может быть холодно в помещениях в октябре, перед отопительным сезоном. Нина Павловна хотела сразу включить обогреватель.

Но внезапно услышала вой полицейской сирены.

Она подошла к окну.

Окно директорского кабинета выходило на улицу Роз – сразу за розарием была видна проезжая часть, и по ней промчалась, полыхая мигалкой, полицейская машина. А следом еще одна – тоже воя сиреной и мигая синим.

Нина Павловна сразу забыла обо всем – и про обогреватель, и про выставку, которую никто не посещал.

Она схватила сумку и побежала через музейные залы, через холл к выходу.

Ей казалось, сердце... ее сердце вот-вот выскочит из груди. Она пыталась вспомнить...

Остановка...

Автобусная остановка...

Наша, на улице Роз...

Она ведь миновала ее, когда шла в музей и...

Ничего.

Там все как обычно.

И полицейские машины промчались мимо остановки.

Нина Павловна обогнула розарий и вышла на улицу.

Она увидела в конце улицы Роз полицейские машины. Они остановились перед домом – коттеджем из красного кирпича. Из машин выходили полицейские.

Нина Павловна не стала приближаться. Она стояла и смотрела. Видела краем глаза других – горожан, соседей, которые тоже не оставили это событие без внимания. Велосипедисты прибавляли газа, стремясь проехать мимо полицейских машин, прохожие замедляли шаги, пенсионеры пялились в окна.

Нина Павловна знала тот дом в конце улицы.

Она вернулась в музей, в свой кабинет. На столе стояла дешевая ваза с астрами. Они начали уже увядать. Нина Павловна медленно подошла к своему столу и начала извлекать астры из вазы, раскладывая их на газете, что взяла с подоконника.

Дом в конце улицы Роз...

Вода в вазе пахла гнилью. Стебли астр осклизли и пачкали газету.

Запах тлена. Запах гниения.

Запах смерти.

Нина Павловна завернула цветы в газетный кулек.

– Я опять ненадолго отлучусь, – сказала она старой кассирше.

На улице она постояла пару минут, стараясь рассмотреть, что творится у дома в конце улицы.

Потом повернулась и медленно, словно гуляя, пошла по ЭРЕБу – свернула с Пятой на Третью Парковую, затем на Первую Парковую, миновала небольшую, недавно построенную часовню и очутилась перед воротами городского кладбища.

У низкой ограды две старухи продавали искусственные цветы. Нина Павловна никогда их не покупала. Только живые.

Но сейчас у нее просто не было времени, чтобы идти сначала в цветочный, да и денег в обрез до зарплаты. Она бы никогда не опустилась до того, чтобы рвать розы с клумбы розария. Этого в ЭРЕБе из настоящих, потомственных его горожан не делал никто, никогда.

Но она хотела принести на кладбище живые цветы, пусть и пожухлые – эти самые осенние астры, тронутые тленом.

Смерть – как дар.

Смерть – смерти как дар...

Здесь, за воротами кладбища, было все самое дорогое. Частица сердца и души.

Нине Павловне нужно было срочно поговорить.

Кто сказал, что мертвецы – никудышные собеседники?

Глава 4

Улица Роз

В полицейской машине Катя никаких вопросов не задавала – куда едем? что случилось? Алла Мухина сидела впереди, рядом с водителем. На заднем сиденье Катю теснили сотрудники розыска – хмурые, даже не пытающиеся скрыть досаду и разочарование.

Проехали улицу, засаженную липами, площадь, еще одну улицу, тенистую и пустынную. Катя увидела, как мал и тесен ЭРЕБ. Чего уж здесь мчаться на машинах с мигалками, воя сиреной, – можно и пешком дойти.

Миновали приземистое двухэтажное здание, вросшее в землю, с темными дубовыми дверями и большой чудесной клумбой, засаженной розовыми кустами.

– Улица Роз, – сказала Мухина хрипло, – Пятая парковая. Это здесь. Шестнадцатое домовладение.

Проехали, воя и сияя синим, до самого конца улицы и остановились перед коттеджем – точно таким, каких было большинство в городе: старой постройки, из красного кирпича, от дождей и непогоды ставшего темным. Имелось лишь одно отличие: не две двери по обе стороны дома, как в других коттеджах на две или четыре семьи, а одна в центре.

Маленький палисадник огорожен низкой кованой оградой – скорее декоративное украшение, чем забор. К ограде прислонен дорогой стильный велосипед, весь сияющий хромом. В палисаднике, заросшем травой и усыпанном палыми листьями, никого. Но откуда-то из-за дома слышны голоса – мужской и женский.

– Полиция приехала!

– Здесь, сюда! Окно разбито.

Мухина вылезла из полицейской машины и открыла незапертую калитку, все устремились за ней.

Кате надоела роль безмолвного очевидца событий.

– Что произошло?

– По всей видимости, кража, – ответила Мухина. – Домовая кража.

– А чей это дом?

– Константина Чеглакова.

Мухина глянула на Катю и, не увидев реакции, которую ждала, пояснила:

– Космонавта Константина Чеглакова.

– Космонавта?

Все раздражение, которое Катя испытала в последние два часа ожиданий и неласкового приема, словно ветром сдуло. Катя вся подобралась.

Космонавта...

Надо же...

– Я думала, все космонавты в Звездном городке живут.

– Как видите, не все. Он покинул отряд космонавтов несколько лет назад. Вернулся сюда. Он здешний уроженец. Этот дом раньше принадлежал академику Вяткину, который все здесь, в городе, начинал в шестидесятых. Константин Чеглаков купил дом у его девятидесятилетней вдовы и ее наследников. Внуки и правнуки академика все кто в Гарварде, кто в Стэнфорде. А космонавт живет теперь здесь.

За домом располагался заросший деревьями сад, где осень давно уже заявила свои права на все – и на невысокие клены, и на жухлую траву, и на яркие гроздья рябины, заполонившей всю заднюю часть сада.

Из-за крон с пятнами алых ягод виднелась крыша другого кирпичного коттеджа. Огромная белая спутниковая тарелка, казалось, съезжала вниз по крутому скату.

Катя оглянулась: и на крыше дома космонавта тоже «спутники», но меньшего размера.

На маленькой площадке, выложенной плиткой, где стояли деревянные скамейки, стол и садовый гриль-мангал, находились двое – парень и толстая старуха.

Старуха в розовой стеганой болоньевой куртке и спортивных штанах, в очках. А парень...

Катя узнала его. Тот самый, что проехал мимо на велосипеде, замедляя скорость, и улыбнулся ей. Там, на улице, он показался совсем молодым. Здесь, вблизи, оказалось, что он гораздо старше – лет уже за тридцать точно. Среднего роста стройный блондин с кудрявыми волосами, крашеными ярко и стильно. На нем были серые джинсы и плотная серая толстовка с капюшоном, под ней – серая майка, на ногах – обожаемые креативщиками кроссовки «Нью Баланс».

– Алла Викторовна, хорошо, что вы сами сюда, – сказал он встревоженно. – В дом влезли. Окно разбито. Это я полицию вызвал. Мне Вера Ивановна по телефону сообщила, что у Константина воры в доме.

– Что, воры все еще там? – спросила Мухина.

– Нет, я заглянул в окно – там дикий кавардак, но в доме все тихо.

– А я побоялась к окну подходить, – замахала руками толстая старуха. – Вошла сюда из нашего сада, у меня ключи – мне Константин Константинович оставил. Я должна была убраться – гляжу, а окно-то вдребезги!

– Вы дом убираете? – спросила Мухина.

– Вера Ивановна два раза в неделю помогает мне по хозяйству, – начал объяснять блондин в толстовке. – У Константина тоже убирает, когда он просит. А сегодня она позвонила мне – сказала, что в дом воры влезли. Я приехал утром на фирму к себе. Потом отправился в третий блок. Не успел сотрудников собрать, как Вера Ивановна мне сообщила – я сразу сюда.

– Потому что я боялась одна тут, – заворчала старуха. – Мало ли... Сами знаете... Разбойник-то, может, все еще там, в чулане прячется.

– Иван, а где Чеглаков сам? – спросила Мухина.

По тому как она произнесла имя блондина-симпатяги, было видно, что они давно и хорошо знакомы.

– Он уехал в Москву, – ответил блондин. – Я ему позвонил. Он возвращается. Уже к Дубне подъезжает. Очень встревожился. Просил, чтобы мы зашли в дом сами, все проверили. Ну, с вами, с полицией. Чтобы не ждали его, а заходили сразу.

– Тогда, Иван, передайте мне ключи, пожалуйста. – Мухина протянула руку.

Не блондин, а старушка суетливо вручила ей ключи с брелоком.

Они подошли к задней двери, которую Катя сначала не заметила за кустами сирени. Дверь – новая – резко контрастировала со старой, иссеченной дождями стеной и большим окном – разбитым, точнее, высаженным с дьявольской воровской аккуратностью.

В левой створке окна стекла не было. На раме и осколках, торчащих снизу, Катя узрела обрывки плотной бурой бумаги.

Маленький дворик сразу наполнился сотрудниками полиции, подошел эксперт.

– Клей, – констатировал он, склоняясь к раме. – Бумагу на стекло наклеили снаружи и ударили по стеклу. Осколков под окном на траве нет. Все осколки внутри. Там и бумага.

Мухина надела, как и все, резиновые перчатки. Кате перчаток не досталось, и она поглубже сунула руки в карманы короткого тренча. Здесь нельзя ни до чего дотрагиваться. Это место преступления – домовая кража.

Дом космонавта... Ничего себе... – думала Катя про себя с каким-то тайным, совершенно неуместным восторгом и одновременно опаской. – С ума сойти – и космонавтов грабят... Они тоже как простые люди... Да, точно, подобные дела редко попадают на страницы криминальной хроники. Не зря я прокатилась в такую даль... О, кража у космонавта Чеглакова

– представляю заголовки! Интересно, а что украли? Вон какой дом себе купил у вдовы академика! Правда, все тут старье. С особняками, что я видела в окрестностях Дубны, – никакого сравнения. Но все равно – так интересно!

Катя не могла подавить в себе этот глупый, какой-то совершенно щенячий восторг и бешеный репортерский азарт, что проснулся в ней, едва они переступили порог жилища космонавта.

Но увиденное внутри быстро ее отрезвило.

В доме царил дикий хаос. Все было разбросано, выпотрошено, раскидано по полу, по углам.

Комната с разбитым окном, видно, когда-то служила в доме академика гостиной. Но сейчас в этом просторном помещении было очень мало мебели: большой диван, кресло, дешевый стеллаж с полками и низкая стойка с дисками под большим плазменным экраном на стене.

Дорогую плазму вор или воры не взяли, даже не попытались выкорчевать из стены. А вот кресло опрокинули, с дивана содрали все подушки, со стеллажей сбросили все книги.

Эксперт занялся осмотром, оперативники начали ему помогать, все опыляют спецпорошком для выявления отпечатков. Мухина прошла дальше, в темный холл без окон с аркой – здесь, у старого зеркала, сохранившегося, видно, от прежних хозяев, стоял пузатый дубовый комод – все его ящики вытащены, все содержимое вывернуто, выброшено на такой же старый тусклый паркет. От паркета пахло мастикой. На полу валялись вскрытые пакеты с комплектами постельного белья, полотенца, мужские рубашки – все, что обычно держат в комодах.

В кухне – такой же хаос. Кухня была новой – единственная, наверное, модная мебель во всем старом доме. Но и тут – все ящики выдвинуты, выпотрошены, двери всех шкафов открыты. На полу – склянки, осколки и жестянки для круп. Холодильник тоже открыт.

– Когда ищут ценности – ювелирку, – пояснила Мухина, – обязательно лезут в холодильник. Сейчас тайники делают из резины в виде овощей – капусты, баклажанов, прячут вместе с продуктами. В такие тайники складывают золото, даже часы наручные дорогие.

– У космонавта много золота? – спросила Катя.

Она все больше возвращалась к реальности.

– Когда деньги ищут, тоже все подряд потрошат, – Мухина осторожно обогнула раздавленную коробку с овсяными хлопьями. – Да, эксперту тут работы неупрекнуть. Эй, там, как дела, есть отпечатки?

– Полно, здесь же люди жили, – бодро откликнулся эксперт. – Только не ждите, что этот уркаган нам оставил свои подарки. Я уже в трех местах следы талька обнаружил на поверхности ящиков и дверной ручке. А это значит – гость незваный орудовал в перчатках.

– Кто бы сомневался, – отозвалась Мухина. – А следы ног?

– Ярko выраженных нет пока. Но мы возьмем образцы частиц с пола – что за почва, установим позже.

– Все как всегда. – Мухина пошла в глубь дома, Катя за ней.

Лестница наверх.

Они поднялись – первая комната была абсолютно пустой. Прежнюю мебель отсюда давно убрали, новой не купили.

Другая комната, очень большая, являлась спальней, обставлена по-спартански.

Кровать – широкая, с льняным постельным бельем модного серого цвета, который любят мужики-холостяки. Все – простыни, одеяло – сброшено на пол, подушки испорчены.

Двери раздвижного шкафа распахнуты – одежда тоже вся на полу. Толстовки, джинсы, футболки, брюки от черного костюма, пиджак, еще один костюм в упаковке химчистки, белые и голубые сорочки.

– Все полки обшарили. – Мухина кивнула на шкаф. – Искали стенной тайник – сейф. И кровать тоже всю распотрошили.

Они спустились вниз – за кухней была еще одна большая комната.

Катя вошла туда вслед за Мухиной, и вновь странное волнение охватило ее.

Во времена оны это помещение занимал кабинет академика – сохранился старинный письменный стол, лампа бог знает каких времен на мраморной подставке, с зеленым абажуром и новое кожаное кресло – дорогое и даже роскошное. Но встроенные книжные шкафы, где прежде помещалась огромная библиотека академика, претерпели изменения: стеклянные створки были сняты с петель, а полки ликвидированы. Видно дорого было выламывать из стен всю эту рухлядь, поэтому обошлись меньшим – просто превратили стенные книжные шкафы в ниши, увешанные...

картинами.

Картины окружали Катю со всех сторон.

У окна стоял внушительных размеров станок для холстов. На низком столике – банки с кистями, олифой, красками, акриловые краски в тубиках в больших пеналах, тряпки, ветошь.

– Он что, тоже рисует? – спросила Катя удивленно. – Как космонавт Леонов?

– Надо же чем-то заняться в одиночестве. – Мухина смотрела на ниши-шкафы. – Хобби. А вор и тут покуролесил всласть.

Вор не тронул стол с красками, но письменный вскрыл и выпотрошил, как и комод. Картины тоже почти все были сброшены на пол.

Катя поняла лишь то, что космонавт Чеглаков рисует что-то абстрактное – пятна, черноту. Яркие, почти неоновые пятна голубого цвета. Полосы спектра.

Она боялась наступить на какой-нибудь холст.

Алла Мухина наклонилась, что-то рассматривая.

– А тут вырезали кусок из холста... И здесь тоже. Или это он сам? У абстракционистов ни черта не поймешь. Может, это так и нужно. А может, вор часть живописи украл.

– Здесь явно что-то искали, – сказала Катя, озираясь.

– Ценности. Что же еще? Картины – я же сказала, это его хобби. Вряд ли они кого-то заинтересуют. Сейчас многие малюют – Шнур вон выставляется. И Джуна что-то там рисовала. Ну и Константин тоже, наш земляк. Нет, без него здесь делать нечего. Непонятно даже, что украли, что пропало. Эй, домработница все еще там? Ведите ее сюда, в мастерскую – только осторожно.

Толстая старушка Вера Ивановна пришла в сопровождении оперативника и блондина в толстовке.

– Ой-ой-ой, что же это... это же разбой, настоящий разбой... все, все разодрали! – она крутила головой и поминутно ахала. – Вот бы я вошла, а он – негодяй, ворюга – он бы меня здесь убил!

– Может быть, не убил, а убежал, – старался ее успокоить блондин по имени Иван. – Но вообще-то да, видок дикий.

– Что-нибудь пропало? – спросила Мухина.

– Не знаю и сказать не могу ничего. Такой разор. – Домработница, казалось, была близка к обмороку. – Тут ведь прибраться надо неделю, не меньше!

– А на ваш взгляд? – спросила Мухина у блондина.

– Затрудняюсь сказать. Черт... Где его техника, гаджеты, ноутбук, все остальное?

– Вы, конечно, первым делом про гаджеты, Иван.

– Впрочем, он все это мог с собой взять и, конечно, взял – планшет, мобильный, ноутбук. Но у него много всего этого.

– Как там насчет гаджетов? – крикнула Мухина оперативникам. – Не попадались?

– Попадались, – откликнулись те. – Ноутбук на кухне, на полу. И еще один – в спальне. Вор их не взял. Плазму тоже.

– А чего тогда лезть? – хмыкнул блондин по имени Иван. – Если не за этим? Деньги он свои в банке держит.

Где-то в доме, в глубине, послышались громкие голоса. Катя выглянула в окно мастерской, выходящее на улицу Роз. Рядом с домом и полицейскими машинами теперь стоял черный внедорожник «Форд-Эксплорер».

Катя поняла: хозяин наконец вернулся в родные пенаты.

В дом на улице Роз – ей страшно понравилось это название и одновременно показалось каким-то пошло-романтичным – в дом на улице Роз, разоренный кражей, больше похожей на набег дикой орды.

На пороге бывшего академического кабинета, а ныне мастерской художника-самоучки появился мужчина в сопровождении оперативников. Шатен с короткой стрижкой и серыми глазами, спортивный, плотно сбитый, лет сорока восьми, но выглядящий гораздо моложе своего настоящего возраста. На правой скуле у него имелся небольшой шрам, что, однако, совершенно его не портило. На нем была серая толстовка – почти идентичная той, что нацепил на себя красавчик-блондин по имени Иван. Поверх толстовки – кожаная куртка-бомбер. Вещи хорошего качества, но очень простые.

Катя вперилась в незнакомца.

Константин Чеглаков – хозяин разоренного дома на улице Роз – даже на пороге своего пятидесятилетия привлекал взоры.

– Привет, – сказал он. – Ну и дела.

– Вор у вас похозяйничал, Константин Константинович, – сообщила Алла Мухина.

– Или воры, – поправил начальницу один из оперативников. – Нам ваша домоправительница позвонила, точнее, не она, а сосед ваш.

– Да, Ваня мне сказал по телефону. – Чеглаков оглядывался по сторонам. – Как Мамай прошел.

– Вы как в себя придете, посмотрите, Константин Константинович, что пропало. Что воры украли.

– Да нет, ничего... Просто я не ожидал. – Чеглаков глянул на Мухину, на Катю.

Он повернулся и медленно отправился обозревать ущерб. Мухина и Катя двинулись за ним.

– Вы в Москву ездили? – спросила Мухина.

– Да, надо было по делам.

– Когда уехали?

– Позавчера, сразу как позавтракал.

– И ночевали в Москве?

– Угу. – Константин Чеглаков обошел белье и вещи, выброшенные из комода в холле.

Не стал уточнять, где ночевал.

– Когда уезжали, все было нормально? Вы дверь заперли?

– Ну конечно.

– Замки дверные не взломаны, – откликнулся откуда-то из недр дома эксперт. – А вот окно выбито с умом. Идите сами взгляните.

Они направились еще в одну комнату – с окном, выходящим в сад. Здесь тоже было пусто, но имелась мебель из ротанга – диван и пара кресел. Еще подставка и старый, снова вошедший в моду проигрыватель для виниловых пластинок. Пластинки разбросаны по полу.

– Фоторамки нет на месте, – сказал Чеглаков, глянув на столик, плетенный из ротанга.

– Какой фоторамки? – оживился эксперт.

– Обычная электронная. Где фото меняются.

– Похитили.

– Да это дешевка. – Чеглаков пересек комнату, направился в гостиную к эксперту, колдующему на корточках возле осколков стекла, залепленных плотной бурой бумагой, которой пользовался вор.

– Никакого стеклореза, – объявил эксперт. – Заклеили и потом шарахнули чем-то тяжелым. И пролезли через окно. На подоконнике – следы почвы. Явно из вашего сада. Больше пока никаких улик. И уходили этим же путем.

– Значит, вы уехали позавчера утром, а когда точно? – спросила Мухина.

– В одиннадцать. Я хотел раньше, но Нина Павловна зашла по пути на работу. Мы с ней поговорили малость, и я уехал.

– Ключи забрали с собой?

– Ну конечно. У Веры Ивановны есть дубликат, я ей отдал – она ведь не каждый день из Дубны приезжает.

– Она и обнаружила, что окно разбито, пришла к вам убираться после дома вашего соседа. Значит, дом стоял пустой более суток. Ночью, наверное, к вам влезли, Константин Константинович. Днем бы вряд ли осмелились.

Чеглаков пожал плечами и проследовал дальше.

– Нина Павловна – это из музея? – спросила Мухина нейтральным тоном.

– Угу. Насчет выставки. Но я торопился, уезжал.

– А что за снимки были в украденной фоторамке? – неожиданно для себя спросила Катя.

Ей уж совсем не следовало соваться во все это. Чужой город, чужой ОВД, неласковый прием, саркастичная дама... нет, тетка-подполковник. В таких условиях опальным криминальным обозревателям Пресс-центра Главка не стоит излишне любопытствовать, уточняя детали.

Но сам факт того, что она *видит живьем настоящего космонавта и даже разговаривает с ним*, оказался сильнее всех внутренних предостережений.

– Так, ерунда, – ответил Чеглаков.

– Ваши снимки? Личные?

– Виды природы. – Он посмотрел на Катю.

Они миновали еще одну комнату с кондиционером. Абсолютно пустое помещение со шведской стенкой и циновками-татами.

Прошли на кухню.

– Бардак какой, – Чеглаков наступил в просыпанные овсяные хлопья. – Кофеварки нет.

– Украдена. Кофемашина? – спросила Мухина деловито.

– Нет, капсульная. – Чеглаков, оглядывая разоренную кухню, брезгливо поморщился. – Черт. Зачем устраивать такой бардак?

– Когда ценности ищут, всегда так. Тайники домашние, скрытый сейф, – сказала Мухина. – У вас как насчет этого?

– Порядок. Точнее, я не стяжатель тайных кладов.

Не стяжатель, но человек обеспеченный, – размышляла про себя Катя. – Всех всегда интересовало, сколько зарабатывают космонавты. Дом купил большой, иномарка – внедорожник. Для вора это достаточный стимул, чтобы перевернуть дом в поисках этих самых «тайных кладов».

– Итак, что пропало? Кофеварка и электронная фоторамка? И все? – спросила Мухина. – Ноутбуки ваши вор не взял – один вон на полу у кухонной стойки, а другой в спальне.

Чеглаков снова пожал плечами.

Они прошли в мастерскую-кабинет. На разгром этого места Чеглаков отреагировал по-другому. При виде своих творений, сброшенных на пол, заиграл желваками на скулах.

– Может быть, украдены какие-то ваши работы? – спросила Мухина.

Чеглаков наклонился, начал разбирать холсты.

– Нет, это просто вандал какой-то.

– До той не дотянулся, наверное, – сказала Катя, кивая на единственную оставшуюся в одной из ниш картину без рамки.

Черный фон, а на нем – болезненно-белый с серебристыми вкраплениями шар. Настолько резко контрастный с чернотой, что больно глазам.

– А что это? – спросила Катя с тихим любопытством.

– Где?

– На вашей картине.

– Солнце.

– Солнце? Оно же желтое!

– Это с Земли. – Чеглаков разбирал разбросанные холсты. – Сквозь нашу атмосферу. И на снимках Солнца из космоса всегда есть специальная обработка. Ну, чтобы привычнее земному глазу. Чтобы не шокировать. А в космосе Солнце белое. Такое белое, что невозможно терпеть.

– Вот из этого полотна что-то вырезали, – сказала Мухина, указывая на брошенную картину.

– Это неудачный эскиз, – Чеглаков отложил его в сторону.

Под рваным холстом Катя заметила другое абстрактное творение: снова черный фон, и на нем – хаотичные пятна разного цвета: голубого, белого и желтого.

Тут она на что-то наступила. Наклонилась – книга. Байрон «Каин» – страницы загнуты в закладки.

Катя подняла книгу.

Ты увидишь за тесной гранью маленького мира, где ты рожден, несметные миры. Лети со мной как равный над бездною пространства – я открою тебе живую летопись миров.

Она положила томик Байрона на письменный стол и...

Здесь же нельзя ни до чего дотрагиваться! Она без перчаток резиновых!

На околоземной орбите читают Байрона в потрепанном переплете?

– Вам надо написать заявление, Константин Константинович, – сказала Мухина. – Это кража с проникновением, мало ли что ущерб небольшой. Вы сейчас с моим сотрудником уже на протокол побеседуете и составите заявление. А потом еще раз осмотрите все внимательно, когда убираться начнете. Возможно, обнаружите еще какие-то пропажи.

– Мастера надо найти, стекло вставить. – Чеглаков собирал холсты.

– Этим я займусь, вы ни о чем не беспокойтесь, – послышался взволнованный голос.

Катя обернулась.

В дверях мастерской стоял красавец блондин по имени Иван. Он уже закончил давать свидетельские показания оперативникам.

Глава 5

Музей

Место кражи отрабатывали тщательно, с убийственной медлительностью и апломбом, какие свойственны полиции всех крохотных городков, если потерпевший в результате преступления – либо местное начальство, либо «известная личность», как в случае с космонавтом Чеглаковым.

Алла Мухина осматривала палисадник и сад сама. Катя ходила за ней как пришитая. Но что можно заметить, какие следы, когда кругом одна нескошенная трава, побуревшая от первых утренних заморозков палая листва, да сучья, изъеденные древесным грибом?

Солнце давно уже клонилось к закату, октябрьские сумерки прятались в облаках где-то над Большой Волгой, чтобы совсем скоро завладеть улицей Роз и ее окрестностями. Похолодало. Катя поплотнее запахнула тренч и расправила на шее свой пышный стебный шарф, который специально для поездки «в провинцию» повязала хипстерским узлом.

У палисадника, который хмуро обозревала Мухина, визжа тормозами, остановилась еще одна патрульная машина. Из нее выскочили полицейский в форме и сутулая пропитая личность – следователь из Дубны.

Следователь направился прямо в дом. А полицейский подошел к Мухиной.

– Муж снова приходил, – сказал он негромко. – Умоляет. Расплакался прямо в дежурке. Мы еле его успокоили с валерьянкой. Мы же ищем. С ног сбились.

– Мы уже закругляемся здесь, – ответила Мухина. – На краже я оставляю эксперта доделывать работу до конца и следователя. Остальные опять возвращаются в состав поисковой группы. Продолжаем, что начали. Я буду где-то через час. Надо допросить одного свидетеля. Сама этим займусь. А вы продолжайте. До темноты еще время есть.

Полицейский пошел в дом и через пару минут вернулся уже вместе с оперативниками. Они сели в машины и куда-то уехали.

Напряжение...

То, что Катя как радар уловила еще днем, никуда не делось. Все чего-то ждали. И дело было вовсе не в банальной краже из дома местной знаменитости, у которой пошуровал ловкий домушник.

Дело было в чем-то ином. Гораздо более серьезном.

В чем-то, чего ЭРЕБ – Экспериментально-рекреационная база – одновременно ждала и страшилась.

– Мне дежурный сказал утром – жена сбежала от мужа, – осторожно начала Катя заход издалека.

– Семейная драма. Он бы больше пил и скандалил.

По тону Мухиной Катя поняла: начальница ОВД не собирается посвящать ее – криминального корреспондента Пресс-центра – в *это*.

Во что?

– И сбежавшую жену ищет вся городская полиция?

– У нас тут свои правила поисков, – сухо ответила Мухина. – Не дело, когда люди исчезают. Даже после семейной свары, – и она сразу же перевела разговор на другую тему. – Я пешком до музея, здесь рядом. Хочу побеседовать с директрисой. Вы как? Со мной или останетесь в доме космонавта?

– С вами, я же о вас очерк пишу. – Катя прибавила шагу. – С паршивой овцы хоть шерсти клок.

– Что?

– Кража как отправная точка, с которой я начну статью, раз вы категорически не желаете говорить о себе. Напишу, как вы раскрываете кражу у космонавта. Только вы ее не раскроете.

– Если это пацаны – сегодня же раскроем. У нас здесь вообще-то воруют мало. Если только у дачников на реке. Было время, когда в городе вообще не было краж. Да и сейчас это редкость.

Они шли по улице. Через перекресток в направлении площади проехал автобус. Ползла пожилая супружеская пара интеллигентного вида. Ехали велосипедисты.

Впереди – приземистый особнячок, отгороженный от улицы роскошной клумбой.

– Космонавт ваш не особо всполошился по поводу кражи, – болтала Катя. – Я на десятках краж, наверное, побывала. Все потерпевшие в истерику впадают, некоторые начинают плакать, другие на полицейских орут. А Чеглаков просто – «привет, ну и бардак».

– Железные нервы, что вы хотите? – отозвалась Мухина. – Туда их ведь специально отбирают – и не только по здоровью и степени ученой, но и по яйцам. Чего ему из-за кофеварки украденной психовать, когда он такие вещи видел, которые нам и не снились? У него три полета на счету долгосрочных – почти по двести дней на орбите на МКС. И два раза выходы в открытый космос.

– Подростки взяли бы ноутбуки, а не кофеварку, – заметила Катя. – Хотя, может быть, в вашем городе ученых ноутбуками давно уж пацанов не соблазнить. А он, значит, больше в космос не летает?

– «Не поднимается наверх» – так они говорят, у них сленг такой космический. – Мухина повела Катю по дорожке мимо клумбы роз. – Он покинул отряд космонавтов пять лет назад. Вы ведь журналист? Не помните, какой скандал был?

– Скандал? Нет, я не...

– Вся пресса писала, на радио ведущие изгалялись – мол, как это так, на подготовку каждого космонавта государство колоссальные средства тратит, а он сам, по собственному желанию ушел из отряда, уехал из Звездного. Мол, такой опыт, такой послужной список – два выхода в открытый космос, и ушел из профессии. Гневались, что, мол, не выработал свой профресурс. Словно он не человек, а робот какой-то.

– Андроид. Прекрасный андроид. А что, похож.

Катя напрягла память – что-то она такое слышала... Действительно, был скандал с космонавтом, покинувшим отряд. И про деньги писали... Мол, столько денег потрачено на его подготовку. Профессионал такого уровня просто не может себе позволить сам распорядиться собой и...

– Прекрасный андроид. И вы туда же, солнце мое, – Алла Мухина усмехнулась. – Он как вернулся, наши дамы кипеж в курятнике подняли. Даром что шлейф скандальный за ним тянулся. Никого это не волновало. Больше судачили, как он собой хорош, спортивен и что разведен. То есть свободен.

– Дом у него большой, но очень скромно все внутри.

– Мужик одинокий, чего ему нужно-то?

– А соседа его – этого блондина – вы хорошо знаете? – Катя по репортерской привычке пыталась выудить максимум сведений.

– Ивана? Он за моей дочкой ухлестывал. – Мухина снова усмехнулась. – Моя-то уже в шестнадцать в нашем местном джаз-клубе пела. Тащила от джаза. Я джаз, кстати, не понимаю, но тут он у нас в большом почете. Иван Водопьянов – он дочки старше на четыре года. Она школьница, он студент. Он местный, но тогда уже в Москве в университете учился, сюда на каникулы приезжал. Роман вспыхнул. Я за валокордин – дочка по ночам гулять стала, джазовые вечеринки. Боялась, как бы чего мне, бабке скороспелой, в подоле не принесла. Не случилось. Зря я только психовала. Иван больше компьютерами увлекался в то время, чем девчонками незрелыми. Моя-то дурочка потом в этого охальника втрескалась, что в розыске у нас

тут рассекал. В Черкизово в полицейский колледж поступила ради него. Весь джаз закончился. И что мы... то есть я – теща – имею сейчас? Внука-бастарда, хоть и хорошенький он, поганец, весь в папашу. А Иван Водопьянов работал в компьютерной фирме. Состояние себе нажил на компьютерных играх. Что-то там придумал по IT. Он сейчас – этот блондинчик – долларовый миллионер. Родителям в Дубне купил огромную квартиру в новостройке. А сам выкупил у двух семей коттедж рядом с домом Чеглакова. На третьем блоке его фирма контракт получила многомиллионный. Вот так – сто раз мы, мамыши, подумать должны, когда дочерей от гулянок с юными гениями ограждаем. Сейчас бы моя-то с ним как сыр в масле каталась. Как жена Цукерберга была бы. А не грошовые алименты – подачку с бабника из угро выколачивала.

Катя воззрилась на Мухину. Этот горячий монолог – сплошной стеб, издевка. Они стояли у дверей особняка.

«Музей науки и общества» – гласила надпись на новой золотистой табличке сбоку.

Мухина рванула на себя тяжелую дверь и по-мужски галантно пропустила Катю вперед.

Все рывком, все наскоком... Но мы такие женичины в глубине души, та-а-а-акии женичины до мозга костей. Теща, мать, бабка... Бабулька-подполковница... Хоть и стебничаешь, ты, Алла Викторовна, ерничаешь, а обида-то клокочет внутри, что женишок завидный уплыл... Надо же, какой ты, ЭРЕБ-городок... Какими сторонами ты к нам поворачиваешься уже... Впрочем, я скоро уеду отсюда... Жаль, что нельзя будет использовать этот колоритный «монолог утрат» в статье!

Все это пронеслось в голове у Кати, когда они вошли в маленький холодный, как подгреб, вестибюль краеведческого музея.

В музее пахло клеем и картоном. А еще Катя уловила аромат очень дорогого мужского парфюма – еле заметный, но почти осязаемый в стильном воздухе.

– Нина Павловна у себя? – спросила Мухина у старухи-билетерши, взиравшей из окошка музейной кассы, как сова из дупла.

– Пришла, пришла.

Мухина свернула от кассы в длинный боковой коридор, игнорируя музейные залы. Ориентировалась она в краеведческом музее отлично. Дверь кабинета с латунной табличкой: «Директор музея Нина Павловна Кацо» – оказалась заперта. Голоса доносились из помещения по соседству.

Что-то вроде небольшого уютного зала собраний, впитавшего в себя черты библиотечной читальни и компьютерного класса. Книжные шкафы, столы с компьютерами, объявление аршинными буквами: «Компьютерные курсы для пенсионеров. Расписание занятий».

– Это из НИИ центра подготовки космонавтов. Мама и академик Самохвалов. А это из Дубны, из нашего филиала Международного университета природы, общества и человека... Симпозиум... Это тоже симпозиум, в Токио. Это они все в НАСА... А это уже лаборатория – первый блок... Это с космонавтами в рекреации... уже в себя пришли. Это опять на симпозиуме, в Стокгольме... Это банкет – они с отцом... Это в Риме, в отеле – тоже с отцом, это частная поездка была... Это совсем старое фото – мама и академик Вяткин. Вот они с космонавтом Гречко, а это... Это космонавты семидесятых, я фамилии позабыла.

За столом в центре зала сидела та самая брюнетка в черном свитере с массивной бижутерией, которую Катя видела у здания администрации, и молодой мужчина лет тридцати. Слегка надменный, с хорошо поставленным голосом, чем-то похожий на молодого Смоктуновского из «Девяти дней одного года». Одет он был почти так же скромно, как «долларовый миллионер» Иван Водопьянов – в серую толстовку, джинсы и старые кроссовки – что-то вроде униформы местной интеллигенции. Однако именно он распространял едва уловимый, но очень стойкий аромат весьма дорогого мужского парфюма.

На столе перед этой парой – ворох фотографий. Старых черно-белых и цветных, сделанных в те времена, когда снимали еще фотоаппаратами, а не мобильниками.

– Ираида Аркадьевна на всех снимках хороша. Да, это была личность. Так жаль, что... Как же время быстротечно, как неумолимо... Дима, а что же вас нет ни на одном фото? – спросила Нина Павловна.

– Я посчитал это лишним, – сказал франт Дима в нарочито скромных обносах.

– И напрасно. Мы посвятим Ираиде Аркадьевне отдельный стенд на расширенной экспозиции. Там найдется место и для семейных снимков. А это она с вашим отцом в нашем центре «Академия» – это передача в дар частной коллекции антиквариата ваших родителей? О, я отлично помню этот день. Я присутствовала. Такой благородный, щедрый жест. – Нина Павловна увидела стоящих на пороге зала Мухину и Катю.

– Добрый вечер, – поздоровалась Мухина. – Нина Павловна, простите, что отрываю вас.

– Мы с Дмитрием отбираем фотографии для экспозиции.

– Можно с вами побеседовать?

– А что случилось? – спросила директриса музея.

– Что-то произошло? – настороженно, почти в унисон с ней спросил парень по имени Дмитрий.

– К Чеглакову в дом влезли.

– Не может быть! – ахнула Нина Павловна. – Уже и... домой?! Он жив?!

Катю поразила ее реакция.

Как все это понимать?

– Кража из дома. Он пишет заявление, – спокойно ответила Мухина. – Можно задать вам несколько вопросов?

– Ну конечно.

– Он сказал – вы недавно заходили к нему. Перед его отъездом в Москву.

– Да, заходила по пути сюда, в музей. Просила его отобрать еще несколько картин для нашей выставки.

– У вас здесь его картины?

– Пять полотен. Мы месяц назад с ним отбирали у него в мастерской. Зал вышел каким-то пустоватым. И я решила добавить, – рассказывала Нина Павловна.

– Можно взглянуть?

– Пойдемте.

Дмитрий остался за столом, а они проследовали по коридору в музейный зал. Катя увидела огромную карту звездного неба с созвездиями – как на старых гравюрах.

Имелись здесь и большие фотопанно, изображающие выход космонавтов в открытый космос – как на рекламных снимках Центра управления полетов. Край голубого земного шара, солнечные батареи МКС и фигурка космонавта в белом скафандре. В стеклянной витрине был выставлен старый, выдавший виды скафандр из тех, в которых космонавты позируют перед камерами на стартовой площадке.

В другом зале висели пять больших холстов. Снова убийственно-черный фон и разноцветные, хаотично разбросанные пятна – такие яркие, что у Кати аж глаза заболели. Относительно светлой была лишь одна картина: зыбкая серая мгла, а в ней, словно на контурной карте, очертания каких-то материков.

– Вот так выглядит Земля из иллюминатора станции, а не так, как на снимках. По крайней мере, это он так утверждает, – сказала Нина Павловна. – Я сочла это интересным.

– Картины представляют художественную ценность? – спросила Мухина.

– Я не специалист по живописи. Космонавт Леонов ведь тоже художник. Но он первопроходец. А это любительские картины эпигона. А в чем дело?

– Вроде как у него воры что-то вырезали с подрамников, – сказала Мухина. – Он сам пока не может сказать, что и как. Не разобрался. Украли немного, но вдруг окажется, что картины ценные? Сразу сумма ущерба до небес взлетит, а это значит – нам дело придется переквали-

фицировать на более серьезную часть статьи. Это удар по статистике уголовных преступлений. Я решила сразу выяснить. Чтобы сюрпризов переквалификации избежать.

- Не могу вам ничего сказать по поводу стоимости. Я не специалист в этой области.
- Но вы директор музея. Вы долго у него находились?
- Минут десять поговорили. Он торопился уезжать.
- Он дом при вас запер?
- При мне, – Нина Павловна посмотрела на космический скафандр. – Это все?
- Да, спасибо, простите за беспокойство.

По коридору прошел Дмитрий, он разговаривал с кем-то по мобильному.

– Я выхожу, – сообщил он в телефон. – Нина Павловна, я вас покидаю. Жена ждет. Я все снимки оставил – вы сами выберете то, что больше подходит для выставки. Созвонимся. И спасибо.

- Это вам огромное спасибо, Дима, – поблагодарила его Нина Павловна.

Катя и Мухина покинули маленький краеведческий музей вместе с ним. Уже начало темнеть.

Возле розовой клумбы стоял квадроцикл. Катя впервые видела эту «каталку» на городской улице, а не на снимках или видео. Относительно компактная модель, мало похожая на уродливые «трактора» с огромными черными колесами. Возле квадроцикла стояла молодая женщина – ровесница Дмитрия. Приятной интеллигентной внешности, с тонкими чертами лица и прекрасными густыми темными волосами, одетая в мешковатые джинсы и стеганую курточку.

- Ну ты даешь, – засмеялся Дмитрий. – У малолеток игрушки отнимаешь!

– Это жена Зубова меня заставила чуть ли не насильно у них одолжить. У их мальчишек, – засмеялась в ответ темноволосая прелестница. – Что вы, что вы, вам в вашем положении на велике уже нельзя. Упс! Ну, они же такие начальники стали – всей базы нашей, командиры умывальников и мочалок. Проявляют вселенскую заботу и о беременных тоже. Я не могла ей отказать. Одолжила это чудовище. Здравствуйте, Алла Викторовна.

– Здравствуй, Василиса, – поздоровалась с ней Мухина. – С велосипедом тебе и правда пора завязывать. Мало ли что.

– Я уже поняла. Не с кем посоветоваться, кроме как с соседкой – женой членкора. Алла Викторовна, а живот становится заметным на каком месяце?

- На пятом. – Мухина вздохнула. – У моей на пятом как на дрожжах тесто поперло.

- А пол будущего ребенка? – живо встрял в разговор Дмитрий. – Мы уже...

– Ездили в клинику – дорогушую. Делали УЗИ. Врачиха сказала – пока ничего не понятно. Я в интернете читала – уже на двенадцатой неделе могут определить. У меня шестнадцать недель, такое оборудование в клинике – закачаешься, и ничего не могут разглядеть толком!

– Все люди разные. Ты не волнуйся, Василиса, – успокоила ее Мухина. – У моей дочери где-то к самому концу четвертого месяца определили. Раз три УЗИ повторяли.

Василиса села на квадроцикл, завела мотор, ее муж вывел из-за угла музея свой велосипед – очень дорогую модель, как отметила Катя. И они медленно поехали по улице, держась рядом и оживленно переговариваясь.

– Всех вы в городе знаете, так это здорово для полицейского. – Катя решила польстить Мухиной. Они быстро шли по улице в направлении ОВД. Мухина явно торопилась.

– Она наша прежняя соседка по дому. Василиса. Старше моей дочки, но они общались. Василиса мою глупень от серьезных отношений с этим нашим бабником отговорить пыталась – знала, что за фрукт. Я за одни те ее усилия ей благодарна. Моя-то не слушала тогда никого. А меня особенно. Мать никогда не слушают. Старших приятельниц тоже. Уперлась как баран! Василиса-то умная – вон какого мужа себе подцепила. Он сын академика Ларионовой. Она

была многие годы неформальной главой нашего города, научным руководителем базы. А отец ученую степень с бизнесом сочетал. Видели, как сюда ехали из Дубны, большой загородный гостиничный комплекс на берегу реки? Это их семья владеет. Отец построил. И здесь у нас маленький, но очень дорогой люкс-отель для иностранных светил науки. Все Диме досталось, а через него и Василисе теперь. Моментально она его на себе женила, как только он осиротел. Всю жизнь, еще со школы за ним охотилась – они одноклассники. И добила своего. Не то что моя глупень...

Они вошли в отдел полиции. По коридору навстречу два оперативника вели группу великовозрастных подростков в ярких кроссовках.

– Мы ничего не делали!

– Это просто для беседы. Профилактическая беседа.

– Подозреваемые в краже? – спросила Катя.

– Будем проверять по картотеке. Уже начали. – Мухина подошла к двери того самого кабинета, который сидевший там сотрудник запирает изнутри на ключ.

Постучала негромко.

– Вы на экспресс до Москвы опоздали, – сказала она Кате.

– Я знаю. Я пойду гостиницу поищу. Завтра уеду утром. Может, повезет – за ночь вы кражу раскроете. Материал я так и так напишу.

– В отеле дорого. Вы разоритесь, солнце мое, – Мухина смотрела на нее с прищуром. – Идите на Первую Парковую – угол центральной площади, дом три. Это научный кампус ЭРЕБа. Там сейчас пусто. Никто не приезжает к нам, никто не останавливается. Идите, я позвоню администраторше. Переночуете на кампусе. Там чисто и условия хорошие. Единственно – общая кухня и душ на этаже.

– А вы...

– А у меня еще полно работы, – ответила Мухина сухо.

Ключ щелкнул, запертую дверь открыли.

Катя снова лишь мельком увидела доску на стене, всю залепленную какими-то графиками и фотографиями.

Мухина вошла и быстро закрыла дверь.

Ключ повернулся в замке.

Глава 6

Набережная туманов

Кампус оказался двухэтажным коттеджем на углу площади рядом с торговым центром. Когда Катя добралась до него, Мухина, видимо, уже созвонилась с администраторшей на ресепшене. Желание Кати переночевать было воспринято благосклонно и без возражений. Плата – в половину меньше отельной. Приятным бонусом оказалось и то, что душ располагался вовсе не на этаже, ванны с туалетом и душем разделяли между собой обитатели двухместных комнат – одна ванная на две комнаты.

Одно лишь сильно действовало на нервы: научный кампус, предназначенный для сорока гостей, был абсолютно пуст.

– Не сезон, – печально пошутила администраторша. – У нас давно уже не сезон. А раньше царило веселье. Жизнь была ключом. Выбирайте комнату, какую хотите. Седьмая подойдет на первом? Или наверху хотите?

– Седьмая подойдет. – Катя взяла ключ от номера.

– Вы из полиции, да? Типа столичного спеца? Искать будете? – спросила администраторша.

– Что искать?

Может, здесь хоть что-то неофициально узнаю?..

Но надежды Кати на болтливость хозяйки кампуса не оправдались. Администраторша лишь глянула на нее искоса и нагнулась, чтобы достать из нижнего ящика стойки коробку с чайными пакетиками и пару пакетиков растворимого кофе.

– Вот, это в стоимость входит. Электрический чайник и кофеварка на кухне. Только кофе настоящий для кофеварки, а не эту пыль, покупайте сами.

Катя заглянула в седьмой номер – чистая комнатка на две кровати с мебелью и постельными принадлежностями из ИКЕА. Однако в номере имелись Wi-Fi и беспроводная подзарядка для гаджетов.

Катя решила сходить в торговый центр в пиццерию, съесть пиццу – живот давно уже подводило от голода. И все прежние обещания не наедаться на ночь казались после такого дня в такой дали от Москвы (два часа на экспрессе!) просто неуместными.

Давно стемнело, центральная площадь была ярко освещена, торговый центр мигал огнями неона.

В будний вечер пиццерия, однако, была забита под завязку. Играл рок-н-рол. Катя едва нашла для себя свободный столик. Заказала половину гавайской и половину пеперони – в ЭРЕБе пиццы подавали и целиком, и порциями.

После ужина и чашки имбирного чая Катя почувствовала себя гораздо лучше, почти готовой к тому, чтобы переночевать в абсолютно пустом кампусе, не вздрагивая при каждом стуке за хлипкой дверью.

На секунду ей вспомнилась запертая дверь кабинета в ОВД, куда Алла Мухина так ее и не пустила.

Ну что ж...

Не все же тайны можно раскрыть в первый день...

Придется довольствоваться очерком о краже... Фигурант – потерпевший необычный, редкость большая – космонавт. И на том спасибо.

Катя вздохнула и смирилась с неизбежным. Достала мобильный, нашла в интернете железнодорожное расписание – во сколько отправляется из Дубны утренний экспресс на Москву.

Расплатившись, она покинула пиццерию и хотела уже повернуть к кампусу – пора на боковую. Но внезапно подумала, что ее впечатление об ЭРЕБе – Экспериментально-рекреационной базе – будет неполным, если она не увидит реку, на которой стоит этот маленький городок ученых.

Улица, ведущая к набережной, начиналась от площади. Катя медленно побрела мимо домов с палисадниками. Прошла кирпичный коттедж – магазин оргтехники, маленький гастроном «24 часа». В доме напротив располагался паб «Набережная туманов». Возле него было припарковано много машин.

Улица перешла в короткую парковую аллею, освещенную фонарями, и открылся вид на реку. Пузатая белая ротонда, сохранившаяся с конца пятидесятих, заслоняла его своим круглым куполом. Катя обогнула колонны ротонды и подошла к парапету маленькой ухоженной набережной.

Самое прекрасное место в городе – тенистом, тесном и сонном.

Если красота существует даже в ЭРЕБе...

То вот она – почти осязаемая и бесконечная.

Гладь воды – черная, бездонная.

Крыша неба – темная, усеянная сияющими точками звезд.

Огни вдалеке, синие сполохи. Это уже рукотворное – с набережной видны сполохи сварки, там, на Большой Волге у Дубны, строят автомобильный мост через реку.

Катя наслаждалась видом и совсем уже не жалела, что приехала сюда. Летом здесь, наверное, полный восторг. Река, как море, и яхты...

Но в один миг все изменилось. И перемена была столь резкой и странной, что Катя даже сначала не поняла, как это может так быстро все стать совершенно иным.

Река, ночь, погода, сырость...

Или это сам ЭРЕБ пожелал, чтобы его скрытая красота вновь сменилась затаенным мраком – предвестником хаоса?

Ночь словно сгустилась над большой водой, и в одночасье на глазах Кати погасли, исчезли, пропали из виду сполохи ночной сварки на строящемся мосту. Затем из виду пропал дальний берег. И вот уже и звезды меркнут, тают, пропадают, и мгла опускается на ЭРЕБ.

Катя поняла, что видит, как осенний туман закрывает собой прекрасный вид. И речные ночные дали. И реку. И город.

Набережная туманов...

Катя оглянулась: уже дальний конец аллеи окутало туманной ватой – темной, еле освещаемой светом фонарей, которые словно потеряли две трети накала.

Катя заторопилась назад.

Когда она подошла к дверям кампуса, ночной туман вобрал в себя городок целиком. Было очень тепло для октября. Но не видно ни зги.

Катя у себя в номере разделась, долго стояла под горячим душем. Перед тем как отрубиться, хотела было погуглить насчет *шара* – ей было страшно любопытно, что же это за достопримечательность такая в окрестностях Дубны.

Но сон сморил ее.

Шар приснился ей посреди ночи. Он был страшен и черен. И походил на чью-то ненасытную трубу, на огромное полое чрево, в котором Катя во сне задыхалась в околплодных водах Большой Волги, словно зародыш-эмбрион, разевая рот в немом крике, царапая мускулистую плоть бездонного брюха, похожее на ШАР...

Вечный космос...

Бутон черной розы, выросшей на бесплодных равнинах ЭРЕБа...

Хаос и мрак, уже почти явившие себя, но все еще незримые за круглой шарообразной спасительной защитной сферой.

Глава 7

Семейный портрет в интерьере

– Смотри, прокляну! Материнское проклятие получить хочешь? Загнешься. Издохнешь под забором, хитрая сука!

Анна Ласкина – та самая деловая дама, представившаяся Кате как замглавы городской администрации, – с отвращением созерцала сморщенное лицо матери. Они сидели за столом на кухне своей большой трехкомнатной квартиры.

Кухня щеголяла дорогим итальянским гарнитуром, который Анна купила вместе с прочей дорогой мебелью, когда еще надеялась, что мать скоро умрет.

Старуха страдала всеми болезнями на свете и во времена оны была уже одной ногой в могиле. Пока она умирала в больнице, Анна Ласкина быстро сделала в квартире евроремонт, купила мебель. Сидела и размышляла вечерами за бокалом вина, как она будет жить в их семейной квартире одна, схоронив обоих родителей, – сама себе хозяйка... Полная хозяйка во всем и госпожа.

Но мать неожиданно пошла на поправку. Стальной шарнир, вставленный ей на место сломанной шейки бедра, прижился хорошо, сердечные боли отступили, уровень сахара в крови и тот снизился. Мать вернулась из больницы домой, узрела полную перемены жилплощадь и приказала, «чтобы в ее комнате все снова стало как прежде».

Комнату матери пришлось вернуть, и там снова поселились вонючие старческие вещи, сосланные Анной Ласкиной на время ремонта на лоджию.

Они жили не в старом кирпичном коттедже, как многие в ЭРЕБе, а в кирпичной двенадцатиэтажке улучшенной планировки, построенной в середине восьмидесятых для партактива города – ЭРЕБ в те времена был еще закрытым для всех.

Мать в те годы работала в Дубне мелкой сошкой в горкоме, однако квартиру получить сумела и до сих пор, вот уже много десятков лет, считала ее полностью своей.

Может, с этого все и началось у них? С квартирного раздора? После смерти отца Анна Ласкина попыталась переоформить квартиру целиком на себя – объясняла матери, ну, мол, так проще, если что... Меньше бюрократизма в будущем и хождения по инстанциям.

– Если что? – скрипуче спросила мать, сверля ее янтарными, как у старой кошки, глазами. – Смерти моей ждешь не дождешься? Уже и наследство себе хочешь захватить? Не получится, дочка. Я еще жива.

В том разговоре она последний раз назвала ее «дочкой» – больше уже не называла никак. Ни дочкой, ни по имени. А когда злилась, как сейчас, именovala исключительно «сукой».

Хитрая сука... жадная... себе на уме...

– Дождешься, прокляну на веки вечные, – мать зачерпывала ложкой мясную подливу и, морщась, жевала вставной челюстью рагу. – Допрыгаешься. Материнское проклятие – как печать. Года не проживешь.

Не то чтобы Анна верила материнским угрозам или боялась, однако...

С отцом ведь случилась беда. И как раз спустя полгода после их семейного скандала с матерью – та заподозрила его в неверности. Мол, слишком любезен с соседкой ниже этажом. Она много раз видела с лоджии, как он идет с ней рядышком по двору, возвращаясь из гастронома, и они очень мило и оживленно беседуют.

Отец обозвал ее старой дурой. Она его кобелем. Он назвал ее параноиком. Она его мерзавцем. Он обозвал ее ведьмой. И мать закричала: проклинаю, проклинаю тебя, иуда!

Через полгода отец замертво упал во дворе в тот самый момент, когда они разговаривали с соседкой. Врачи сказали Анне – тромб оторвался. Скоропостижная смерть.

Мать на похоронах имела загадочный вид. Поглядывала искоса на Анну, словно галка на блестящий шарик.

Из-за переоформления собственности начался скандал. И теперь она грозила проклятием уже родной дочери.

Уразумев, что та тайком ждет ее смерти и уже готовит для себя «апартаменты», мать совсем осатанела.

Тема материнского проклятия стала доминирующей во всех их разговорах – и в утренних, когда Анна Ласкина уходила на службу в администрацию, и в вечерних, когда возвращалась. И в другие часы тоже – когда она покидала ненавистную квартиру, чтобы хоть недолго побыть самой собой.

– Думаешь, я не вижу ничего? – скрипела мать, вытирая бумажной салфеткой тонкие губы. – Слепая, глухая? Маразматичка, да? Я все вижу. И говорю тебе: проклянущу. Узнаешь, что это такое. Сто раз пожалеешь, хитрая сука.

«Хитрая сука» глянула на мать. Молча.

Думала о том, почему она вынуждена все это терпеть. Она, которая добилась столь многого, чего прочие женщины в провинциальном городке не добились бы никогда. Ни за что.

Она вспомнила, как на днях выступала на совещании у губернатора Подмосковья. И все присутствующие – все эти тухлые мужики-начальники, которых она обычно тайно презирала за их глупость, ограниченность, за их раболепие, за то, как они нудно гундосили во время выступлений, – слушали ее с вниманием. Даже с почтением!

Или ей это лишь казалось?

Уважают ли ее в администрации? Или не уважают?

Мать ее в грош не ставит. Ненавидит и вечно грозит.

Есть ли разница между ее положением в доме и в мире? В городе и в этих четырех стенах? И еще в одном месте. О котором она, Анна Ласкина, живущая под гнетом страшного материнского проклятия, не может не думать.

Мать внезапно дико закашлялась. Сморщенное лицо ее побагровело.

Секунд пять Анна Ласкина надеялась, что она подавилась. Что кусок пошел в дыхательное горло. И мать...

Но та глубоко вздохнула, сунула в рот пальцы и извлекла искусственную челюсть.

Мать пылливо глянула на дочь, все еще тяжело дыша от натуги и кашляя, и торжествующе улыбнулась.

Не дожدهшься, сука...

Вставные зубы лежали на кухонном столе на бумажной салфетке, пятная ее коричневым мясным соусом как гноем.

– Думаешь, я ничего не слышу? Сплю по ночам? – просипела мать. – Ах ты, падаль... Я по глазам твоим вижу, в душе читаю. Чего вылупилась? Смотри проклянущу!

Анна Ласкина положила на пустую тарелку вилку и нож – крест-накрест. Глянула на дизайнерские стенные часы на своей дорогой итальянской кухне. И опустила глаза.

Глава 8

Остановка

Такси приехало в шесть двадцать утра. К этому времени Катя, полусонная, уже успела принять горячий душ, выпить чашку растворимого кофе на пустой кухне кампуса и попрощаться с администраторшей – тоже сонной, как сурок.

Катя рассчитывала за двадцать минут добраться до станции Большая Волга и купить билет на семичасовой экспресс. Позже шла масса электричек, но Катя предпочла встать ни свет ни заря, но доехать до Москвы с относительным комфортом.

Ключья тумана раздул, разогнал сильный северный ветер – предвестник подступающего холода. Но они все еще наполняли мглой узкие тенистые улицы и дворы. ЭРЕБ тонул в рваных ошметках ночного тумана, словно в хлопьях морской пены, и утренние сумерки лишь усиливали это впечатление. Городское освещение уже отключилось, горели неонов лишь вывески некоторых магазинов и торгового центра, мимо которого проезжала Катя.

ОВД остался где-то в другой стороне. Таксист вырулил в жилой микрорайон – все кирпичные многоэтажки выглядели здесь зданиями семидесятых, резко контрастируя со старой коттеджной застройкой.

Катя была рада покинуть ЭРЕБ. Хотелось в Москву, домой. Ко всему привычному и знакомому. Она подумала, что не попрощалась с Мухиной, и дала себе слово, что, как только начнет писать очерк, непременно позвонит ей, – спросит, раскрыли ли кражу из дома космонавта Чеглакова.

Таксист укладкой зевал. Прибавил газа. Мимо проплыло удивительной красоты маленькое элегантное здание, все из стекла и разноцветных панелей, схожее яркостью с оперением тропической птицы. Архитектурный дизайн составил бы честь столичному центру.

– Отель новый, «Радужный мост», с конференц-холлом, – пояснил таксист. – Там и кафе, и бар, и ресторан.

Миновали жилой микрорайон, и потянулись какие-то промышленные строения. Слева Катя увидела поле и в отдалении – разноцветные корпуса Экспериментально-рекреационной базы.

Я так и не спросила, что они там изучают, на этой базе... Рекреация... Это же восстановление... Это что-то вроде медицинского НИИ, связанного с космосом?

Катя утешила себя, что в экспрессе непременно погуглит и насчет базы, и насчет загадочного шара-достопримечательности. Путь-то дальний.

С полей туман давно отступил. Несмотря на октябрь, они все еще были зелены, радовали глаз. Окаймляющий их лес – отроги приречного террасного заповедника – осень давно уже раскрасила по своему вкусу. Вид был настолько живописный, что хотелось остановить такси и... прогуляться до опушки, поискать грибы под сенью золота и багрянца.

Таксист внезапно резко нажал на тормоза.

Катя, устроившаяся сзади, едва не стукнулась подбородком о подголовник переднего сиденья.

По дороге навстречу перепуганной стайкой мчались дети – человек десять, одетые ярко и празднично. Они тревожно кричали, не обращая внимания на бежавшую за ними полную женщину в куртке и брюках – то ли учительницу, то ли чью-то родительницу.

– С дороги, с дороги! – кричала и она, отчаянно жестикулируя. – На обочину! Вас собьют!

Сзади послышался вой полицейской сирены – еще далеко, но все ближе, ближе, ближе.

Впереди Катя увидела белый туристический автобус. Он как-то неловко скособочился возле кювета. Из него выскакивали дети – примерно одного возраста, лет десяти-одиннадцати.

Мужской голос хрипло кричал:

– Уберите детей! Удалите их!

– Дети, организованно выходим, не толкайтесь! Здесь сейчас нельзя находиться. Тут будет работать полиция. Мы подождем, пока автобусу разрешат отъехать!

Это истошно кричал уже другой женский голос.

– Остановитесь, – воскликнула Катя.

– Там дальше... это... остановка, – невпопад и как-то странно, очень странно ответил ей таксист.

Он теперь ехал совсем медленно, почти полз, приближаясь к туристическому автобусу сзади и напряженно что-то высматривая.

Вой полицейской сирены оглушил – мимо такси на бешеной скорости промчалась патрульная машина, за ней еще одна.

Катя тронула водителя за плечо. Он остановился. Посмотрел в зеркальце в глаза Кати.

– На экспресс опоздаете.

Катя молча протянула ему деньги.

Она поняла, что не уедет из города ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. Это было и предчувствие, и убежденность. ЭРЕБ не отпустит ее.

Чтобы ни произошло, что бы ни случилось на этой дороге сейчас – ЭРЕБ не отпустит ее. Она уже там, внутри ШАРА... Внутри хаоса, что более не желает скрываться в тумане...

Катя пошла по дороге вперед. За автобусом – остановка. Самая обычная, из металла, покрашенная в зеленый цвет, каких полно на дорогах Подмосковья.

Остановка рейсовых автобусов. Расписание на табличке наверху.

Почему же здесь остановился туристический автобус, перевозящий детей?

Двери автобуса нараспашку. Дети удаляются по шоссе прочь, подгоняемые двумя учительницами. Многие оборачиваются назад. Кто-то из детей плачет. Водитель однако остался в кабине. Как и таксист, он напряженно во что-то вглядывается.

Сирена полицейской машины все еще воеет. Но вот и она умолкла.

В наступившей тишине – тревожные голоса людей.

– Дорогу перекрыть, весь транспорт до Дубны в объезд!

– Эксперт приехал!

Катя увидела полицейских. Увидела встрепанную Аллу Мухину – без формы, в гражданской одежде. И того невзрачного заморенного типа, что закрывал кабинет. Он был в куртке, застегнутой косо, и с остатками мыльной пены на наполовину выбритом, наполовину заросшем щетиной лице. Видно, выскочил из дома по звонку дежурного, как есть, не успев добриться.

Автобусная остановка...

Один из полицейских преградил Кате путь.

– Сюда нельзя! Это место происшествия!

Но это был один из тех, кто выезжал на кражу и видел Катю с Мухиной. Он как-то растерянно оглянулся, потом отступил и...

Катя увидела сначала ноги.

Белые голые ноги – широко раскинутые, раздвинутые напоказ, задранные на железную скамью автобусной остановки.

А потом она увидела крылья.

Ощутила, как кружится голова, как комок тошноты подступает к горлу. Потому что видение... нет, не зрелище, а именно *видение столь нелепо и жутко, что хочется в один и тот же миг отвернуться, бежать без оглядки и остаться на месте – смотреть, смотреть во все глаза – на ЭТО.*

ЧТО – ЭТО?

Белые голые женские ноги торчали вверх, широко раскинутые в непристойной позе, словно жуткое существо жадно ожидало совокупления.

Катя на ватных ногах подошла ближе.

Чудовищные крылья насекомого...

Мухи...

Крылья оказались сделанными из прозрачной пленки. Прозрачный пластик – не гладкий, испещренный полосами более темного оттенка, что создавало впечатление прожилок, как на крыльях насекомого.

Стрекозы...

Нет, мухи...

Несколько многослойных пластов пленки, искусно вырезанной, подровненной в форме крыльев. Под ними, как сквозь толстый мутный речной лед, виднелось голое женское тело.

Но голова этого существа с огромными блестящими глазами... Голова насекомого...

Потрясенная Катя внезапно осознала, что глаза эти, пялящиеся на нее с почти осязаемым плотоядным вниманием, – тоже поделка. Многослойный пластик, пленка, вырезанная в форме двух кругов и приделанная к черному конусу, напыленному на голову жертвы.

Венецианский карнавал...

Маски... ряженые...

Муха...

Катя увидела, как Алла Мухина, эксперт и тот тип с намыленной щекой наклонились над распростертым телом, брошенным на землю у автобусной остановки – труп на спине с раздвинутыми ногами, прислоненными к железной скамейке, туловище на цементном полу.

В руках эксперта – ножницы. *Он осторожно разрезал голову насекомого сбоку, словно чудовищный вивисектор.*

Катя ощутила рвотный позыв, но титаническим усилием воли взяла себя в руки.

Это просто ткань... черная ткань... не кожа, не хитин... ткань...

Ножницы издавали тихий скрип. В воцарившейся тишине он казался громким, словно усиленным невидимыми динамиками.

Эксперт осторожно разрезал ткань до самого верха, стараясь не повредить низ, и руками в резиновых перчатках снял *глазастую голову насекомого.*

Мухина держала в руках картонную коробку – ткань упала туда, коробка перекочевала в руки патрульного.

Под тканью – лицо женщины почти черного цвета.

Синюшно-багровые пятна так сильно потемнели и слились, что казались черными. Всклокоченные крашенные светлые волосы. Прикушенный между зубов язык, темные полосы на шее и ужасного вида пятна.

– Демьянова, – сказала Алла Мухина. – Хотя ее и трудно узнать.

– Вот мы ее и нашли, – произнес эксперт.

– Что это такое?! – не своим голосом воскликнула Катя. – Алла Викторовна!

Мухина глянула на нее и склонилась над трупом.

– Сами видите. Убийство. А вы разве не по этому поводу приехали? Разве ваш начальник пресс-службы не прислал вас к нам сразу, как услышал, что здесь, в городе, пропала еще одна женщина?

Глава 9

Шейные позвонки

На автобусной остановке работали полтора часа. Катя видела: вся выехавшая на место обнаружения чудовищного трупа опергруппа торопится, но старается сделать максимум – осмотреть, обработать каждый сантиметр бетонного пола, железных стен, скамейки и асфальта дороги.

Спешка была обусловлена двумя причинами. Перекрытое городское шоссе спровоцировало гигантскую пробку на федеральной трассе в направлении Дубны и станции Большая Волга, куда торопились утренние пассажиры. Раза три приезжала ГИБДД узнать, как движется осмотр и скоро ли можно будет снимать ограничения – открывать дорогу через ЭРЕБ.

Причина вторая крылась в том, что весть о страшной находке, несмотря на ранний час, моментально облетела маленький город. И город всполошился, прислал любопытствующих гонцов – они ехали на велосипедах, на машинах, тормозили у ограждения, приходили пешком из жилого микрорайона. К восьми часам утра собралась значительная толпа. У полицейских не было возможности сдерживать ее.

К остановке быстро подогнали «Скорую». Тело запаковали в черный пластиковый мешок и увезли...

– Куда? – спросила Катя одного из оперативников. – В Дубну?

– В морг при клинике базы, – хмуро ответил тот. – Это городская клиника. Они строили для города.

Катя позвонила начальнику Пресс-центра – своему непосредственному шефу. Он ехал в машине на работу, хотел было отмахнуться – потом, но Катя настояла: припаркуйтесь и слушайте меня.

Она коротко рассказала о случившемся.

Начальник Пресс-центра молчал.

– Вы ведь знали, – сказала Катя. – Поэтому и послали меня сюда. Дело совсем не в позитивном очерке о полицейской династии, на который и вам плевать, и Мухиной. Дело в этом трупе и...

– Катя, вы ошибаетесь. Никаких подробностей я не знал.

– Мухина тоже уверена, что вам было известно о случившемся, поэтому вы и прислали в ЭРЕБ меня.

– Я слышал лишь то, что в городе снова пропала женщина, – ответил начальник пресс-службы. – И что на ее поиски, несмотря на вроде бы обычные обстоятельства и крайне малый срок, брошены почти все силы ОВД.

– Снова пропала? – спросила Катя. – Выходит, вы знали, что это бывало и раньше?

– Бывало, – сухо ответил начальник Пресс-центра. – Катя, я не хочу с вами лукавить. Вы сейчас там, на месте событий. Я думаю, вы уже поняли, что это экспериментально-рекреационное базовое муниципальное образование, ныне открытое, но бывшее закрытым долгие десятилетия, – необычный город. И то, что там происходит в последние несколько лет, – уникальный криминальный случай. Такого никогда не случалось в Подмосковье. Да и по стране в целом тоже. Это страшно, но... Неужели мы, журналисты, упустим такую возможность, а?

– Не упустим. Я здесь. Я останусь в городе. Вы этого хотели?

– Да, я хочу, чтобы вы остались. Я оформлю вашу командировку в ЭРЕБ. Здесь, в Главке, информация крайне скупа. Эти события... ужасные события – они не попадают в общую областную сводку. Информация идет сразу в министерство. Не ждите опергруппу Главка, ее тоже не будет. В ЭРЕБе работает сотрудник министерского управления по раскрытию убийств

– напрямую, без нас. Это все, что я знаю. Они лишь формально относятся к нашей областной юрисдикции. Но цепко держатся за старые инструкции. Много вы читали в сводках о криминале в Звездном городке?

– Они закрыты от нас. А ЭРЕБ открыт и...

– На бумаге. Вы сами убедитесь, что в действительности все происходит абсолютно в иной плоскости.

– Ладно, я попытаюсь узнать, что возможно, что они мне расскажут, – пообещала Катя.

– Я желаю вам удачи. И поверьте моему опыту: это редчайшее дело.

Катя попрощалась и спрятала мобильный. Ее терзала обида на шефа, который не сказал ей всей правды сразу. А вот так использовал. Ну что ж... Когда-нибудь поквитаемся.

Алла Мухина подошла к ней, снимая с рук резиновые перчатки. Эксперты складывали свое оборудование. Полицейские начали убирать ленту ограждения.

Остановка приобретала свой будничный вид.

– Так и знала, что вы не уедете, – сказала Мухина, оглядывая Катю, словно видела ее в первый раз. – Сюда-то как вас занесло?

– Я ехала в такси на станцию, на экспресс торопилась.

– Наш пострел везде поспел, – Мухина покачала головой. – Вы крайне упрямая особа.

– Кто эта женщина?

– Наталья Демьянова.

– Это ее муж приходил в отдел?

– Так точно.

– Она пропала... когда?

– Двое с половиной... нет, уже трое суток назад. Не вернулась домой с работы, – Алла Мухина говорила тихо, как-то даже скучно. – Она работает продавщицей-кассиршей в булочной-пекарне на центральной площади. Может, видели вывеску, когда мимо проходили – «Французская выпечка»?

Катя напрягла память, потом кивнула.

Яркие розовые огни. Это почти рядом с кампусом, где она остановилась, – угол следующей улицы.

– Они закрываются в половине девятого. Пока все уберут в магазине, проходит еще полчаса. Обычно без четверти десять Наталья Демьянова была уже дома. Ну, в те дни, когда они с мужем не скандалили.

– Плохо жили?

– Неважно. Муж ревновал ее к владельцу пекарни – это мы установили сразу, сильно ревновал, обвинял в изменах. И дыма без огня не было – это мы тоже установили.

– Она и раньше не ночевала дома?

– Случалось. С хозяином пекарни и правда крутила роман. Поэтому мы не до конца были уверены, с чем имеем дело. – Мухина сложила перчатки в пластиковый мешок. – С тем, с чем мы имели дело раньше, или же с банальным семейным раздраем, когда она просто бросила его и умчалась с любовником.

– А что говорил хозяин пекарни?

– Он в отпуске с семьей, это мы тоже сразу установили. Его в городе нет. Но... она же и уехать к нему могла, правда?

– Не уехала. Здесь очутилась. – Катя посмотрела на остановку, которая своим обычным видом внушала ей почти благоговейный ужас.

– Очутилась не сама собой. Ее привезли, выгрузили, уложили. В этом одна из исключительных особенностей происшедшего.

Катя посмотрела на Мухину. Та хотела казаться бесстрастной и деловой. Но ей это плохо удавалось. Катя видела – Мухина подавлена... нет, просто раздавлена случившимся.

– Туман помог, – предположила Катя. – Такая ночь – туман с реки, как молоко. Ничего не видно.

– Мы всю ночь в этом тумане работали. Вся патрульная служба, весь розыск, почти весь отдел на ногах – на машинах. Это случилось не в тумане. Чертов туман рассеялся в четыре утра. Я на небо глядела на берегу – мы там осматривали заброшенные сараи. Радовалась, что погода улучшается. Видите ли, Катя, это остановка рейсового автобуса.

– Я догадалась, Алла Викторовна.

– Расписание – сами взгляните. В пять сорок пять шел автобус до Большой Волги. Он не опоздал, мы проверили. К нам никаких звонков, никаких сигналов – ни от водителя, ни от пассажиров. Никакого тумана. По крайней мере, здесь, в новостройках.

Катя напряженно слушала.

– На остановке ничего не было в пять сорок пять утра. Следующий рейсовый автобус по расписанию в шесть тридцать. И он до остановки не успел добраться – его опередил экскурсионный с детьми. Водитель позвонил нам, когда увидел... когда они все увидели... Дети, родители, учителя... Это случилось в шесть двадцать утра. В короткий промежуток между двумя поездками автобусов. Тому, кто это сделал, туман не был нужен как маскировка, как занавес. Нет, Катя. Он мог сделать все в тумане, ночью. Приехать, разместить тело. Но он дождался утра, ясной погоды. Это осознанные действия, направленные на...

– На что? – тихо спросила Катя.

– На устрашение, – Алла Мухина глянула на носки своих кроссовок, испачканные глиной. – Тот же почерк – устрашение, наглость, демонстрация.

– Куда ехали дети? – спросила Катя.

– На экскурсию в Москву.

– Кто знал об этом? О маршруте их экскурсионного автобуса?

– Здесь всего две дороги – через город и по федеральной трассе.

– Надо проверить. Может, этот жест устрашения был рассчитан в том числе и на детей. Может, это не совпадение.

– Проверим. Мы все проверяем. Мы только этим в последнее время и занимаемся.

– А вы сейчас куда? – спросила Катя.

– Надо узнать, что с трупом. Из Дубны едет патологоанатом... Она уже работала с нами. Катя снова глянула на Мухину.

Нет, солнце мое, не жди, что тебе все сразу вот так и расскажут, выложат на блюде.

– Можно мне с вами, Алла Викторовна?

– А если я скажу – нельзя?

– Но я... Алла Викторовна, пожалуйста!

Мухина повернулась и пошла к патрульной машине.

– Ну пожалуйста! Я прошу вас! – взмолилась Катя. – Вы думаете, я смогу это забыть – этот чудовищный, дикий перформанс, что устроили на дороге напоказ всем?! Вы что, думаете, что я просто сяду на экспресс и уеду, после того что увидела? Я... да я... я костями лягу, но я узнаю, что у вас тут творится в этом ЭРЕБе! В этом вашем чертовом ЭРЕБе! – Катя уже повышала голос. – Надо же, выбрали городу название! Вы что, очумели тут все? Или вам все равно? Назвали бы еще лучше – АИД. Или просто АД!

– Это не ад – это ЭРЕБ, – возразила Мухина, не оборачиваясь. – Не орите, солнце мое. Вы привлекаете ненужное внимание.

– Да тут и так уже полгорода собралось!

– Не орите, садитесь в машину. Если невтерпех, если зуд репортерский в одном месте – что ж, поехали. Вы все равно ни черта не поймете.

Катя осеклась.

– Здесь давно уже никто ничего не понимает. – Мухина открыла заднюю дверь патрульной машины и кивком велела Кате забираться внутрь.

Ехали всю дорогу молча. Путь вел через жилой микрорайон многоэтажек, затем шоссе свернуло в лес. Кате показалось, что они делают крюк, лес поредел, и стали видны корпуса базы, но уже значительно ближе, почти рядом. Дорога снова повернула, и лес перешел в городской парк. Началась улица старой застройки из темно-красного кирпича.

Проехали мимо здания городской больницы за забором, она относилась к постройкам семидесятых – бетон и стекло. Дорога ушла в больничный парк.

Совсем близко Катя увидела корпус базы – тот, что был выкрашен в оранжевый цвет. Он стоял чуть поодаль от остальных корпусов.

А между ним и больничным парком, на приличном удалении от клиники, Катя увидела приземистое одноэтажное здание в форме буквы «Г».

Они остановились во дворе, у низенькой белой часовни-новодела.

Нигде не было никаких вывесок. Лишь по запаху формалина и хлорки, когда они вошли внутрь, Катя поняла, что это местный морг. Внутри здание производило странное впечатление.

Широкий коридор и толстые стальные двери комнат – нет, скорее боксов с кодовыми электронными замками. Замки – новые. Однако на некоторых дверях еще имелись и запоры старой конструкции – круглые, словно на подводной лодке.

Один из боксов был открыт – патологоанатом, уже прибывшая из Дубны, сухопарая, похожая на средневековую ведьму дама вместе с молодой ассистенткой облачались в комбинезоны и маски. Здесь же над раковиной умывался тот самый тип из ОВД, из закрытого кабинета. Он яростно тер ладонью присохшую к коже мыльную пену. На нем уже был темно-зеленый защитный комбинезон.

– Алла, здравствуй, – приветствовала Мухину патологоанатом. – Мы сейчас начинаем. Я тебя позову, как только разберемся с костюмом. Ну а потом – на твое усмотрение.

Мухина кивнула.

– А это кто с тобой? – спросила патологоанатом, в упор разглядывая Катю.

– Это из Главка головная боль, – ответила Мухина.

– Девушка, тут нечего смотреть.

Катя отошла к зеленой стене морга. Спокойствие, только спокойствие. Это нормальная ситуация, когда гонят взашей криминального репортера. Это не с полковником Гущиным по области кататься на машине, все узнавая первой, во все вникая и во всем участвуя. Здесь свои порядки. Здесь Экспериментально-рекреационная чертова база – тайна Роскосмоса, вроде как теперь открытая взору. Черта с два! Здесь, в ЭРЕБе, и полковник Гуцин – никто. Вон, не позвали его сюда. Даже не сообщили. Или, может, сообщили, но сказали – вам сюда путь заказан.

Но я-то здесь...

Катя с вызовом глянула на ведьму-патологоанатомшу.

Та прошествовала к одной из дверей, ассистентка набрала код на электронном замке. Стальная дверь клацнула и...

Лишь мельком Катя увидела совсем маленькое тесное помещение – стол с хирургическими инструментами, а рядом – оцинкованный стол, на котором уже лежала странная громоздкая масса из шуршащего полиэтилена.

Крылья...

Голые белые женские ноги...

Невзрачный человечек, закончив умывание, нацепил прозрачную защитную маску и прошел в бокс, прямо к столу с трупом.

Из бокса так и дышало ледяным холодом – в крохотном помещении работал могучий кондиционер. Но не было ничего привычного – ни громкой связи, ни стекла из крепкого пластика, чтобы было видно работу патологоанатомов.

Ассистентка вышла и закрыла дверь, сработал электронный замок. Ее шаги в пустом коридоре...

Катя и Мухина остались снаружи одни.

– Место какое-то нереальное, – сказала Катя. – И не морг это, не похож.

– База строила как помещение для себя, – ответила Мухина. – Используется порой и как городской морг для экстренных случаев.

– Зачем такие двери, такие замки?

– Когда строили все это, и тогда... да и сейчас... – Мухина оглядела стены, потолок бункера. – Никто не знал и не знает, что можно привезти сюда оттуда.

– Откуда?

– Из космоса, с орбиты, со станции.

– В смысле вируса, что ли? Инопланетного вируса? – спросила Катя. – Это карантинное помещение? Боксы карантина?

– И карантин, и вскрытия медицинского, экспертизы. И дело не в иных планетах, хотя... Космос... Здесь, на базе, по поводу космоса никогда не шутят. Насчет вирусов – они же не знают... Не знают даже, как поведет себя на МКС вирус обычного гриппа, разные его штаммы. Что, если мутируют? Насморк у приземлившегося экипажа – а потом трах! Что-то глобальное. Так что все здесь, на всякий случай, и было, и есть. А мы тут своих покойников в тишине вскрываем до поры до времени.

– А кто этот, с мыльной щекой? – спросила Катя, кивая на дверь. – Из министерства?

– Из министерства. Это Крапов, полковник Крапов из УУР.

– От отдела серийных убийств рожки да ножки остались.

– Он куратор из управления розыска. Не много пользы мы от него видели за эти годы, – сказала Мухина. – Но организовать работу он умеет. Все привезут в срок, все экспертизы проведут в срок на Расплетина, не задержат. И на том спасибо.

В это мгновение, словно в ответ на ее слова, дверь бокса-прозекторской открылась, и выкатилась железная каталка с аккуратно запакованными в прозрачный пластиковый мешок больших размеров всеми кусками пленки – крыльями. В отдельный пакет был упакован жуткого вида черный мешок – тот самый, с кругами-глазами из пластика. Тут же появилась ассистентка, приняла каталку, не заходя в бокс.

Труп несчастной Натальи Демьяновой раздели. Освободили от главной составляющей страшного перформанса.

– Все на экспертизу, пусть забирают сразу, – распорядился полковник Крапов.

Подождал сотрудник розыска – откуда появился, из стены, что ли, вылез оштукатуренной? И забрал каталку у ассистентки.

– Как и в прошлый раз, следы автомобильного лака и на ткани, и на пластике, – громко сказала патологоанатом из недр бокса.

Катя и Мухина проводили каталку взглядом.

– Алла, иди сюда, взгляни на это, – позвала патологоанатом.

Мухина без защитного костюма шагнула в бокс.

Дверь закрылась. Электронный замок.

Катя прислонилась к холодной стене.

Она стояла целую вечность – так ей показалось. Время в ЭРЕБе – ничто, как и полковник Гущин, как и привычные ритуалы следственно-оперативной процедуры. Как течет, как изменяется, искривляется время – упорядоченный отсчет минут и секунд в царстве хаоса?

Затем снова сработал электронный замок, и Мухина вышла. Холодный воздух кондиционера ударил струей ей вслед – смесь формалина и запах начинающей разлагаться плоти.

Дверь закрылась.

В такой тесноте... Конечно, им там и троим места не хватает у стола...

– Какая причина смерти? – спросила Катя.

– Удушение, – ответила Мухина. – Странгуляционные борозды на шее от веревки и шнура, следы пальцев рук. Там не будет ДНК. Все обработано автомобильным лаком – распылили из баллончика.

– И шнур, и веревка, и руками душил?!

– Это процесс. Такой процесс... длительное пролонгированное действие.

– То есть?

– Многократная асфиксия. Ее душили раз за разом на протяжении всего времени, которое она... она была там... Где, мы не знаем.

– Где-то спрятана, похищена? Ее держали связанной взаперти?

– Это создание... существо, которое все это делает, не нуждается в применении пут, кандалов. – Мухина как-то странно смотрела на Катю. – Мы ни разу на телах ничего такого не находили – следов веревок, наручников.

– А как же тогда удерживают?.. Она же могла сбежать и...

– У Натальи Демьяновой сломаны шейные позвонки, – тихо ответила Мухина. – Два шейных позвонка у основания черепа. Это паралич всего тела. Она была жива, но не могла двигаться. Парализованная от кончиков пальцев ног до шеи. В таком состоянии они и кричать не могут, звать на помощь. Однако живут до тех пор, пока их не задушат до смерти.

Катя ощутила, как сердце ее провалилось куда-то вниз. Она вся покрылась холодным потом – то ли от страха, то ли от стылости стен бункера-морга.

– Они? Вы сказали, что и раньше это случалось... Значит, были и другие жертвы?

– Были и другие, – ответила Мухина.

Она медленно пошла по коридору и толкнула тугую входную дверь. В морг-бункер хлынул солнечный свет октябрьского дня.

Глава 10

Отцы города

В обеденное время ресторан и кафе отеля «Радужный мост» – того самого, что поразили Катю изяществом архитектурных форм, яркими красками и обилием стекла, – пустовали. Впрочем, как и во все иные времена в последние годы.

На открытой веранде кафе, все еще щеголявшего по случаю погожих осенних дней удобной плетеной мебелью, полосатыми тентами и яркими цветами в терракотовых горшках, за столиком расположились двое.

Катя их узнала: сосед космонавта Иван Водопьянов и тот парень, которого она видела в музее, – Дмитрий Ларионов, муж и будущий отец.

Веранда выходила в гостиничный садик, примыкающий к парковой аллее, которая вела к набережной. На клумбе все еще цвели махровые астры и хризантемы. В глубине ресторана тихо звучал рояль – Вагнер, «Вход богов в Валгаллу».

Оба – и Ларионов, и Водопьянов – приехали в отель на велосипедах в свой обеденный перерыв, который, впрочем, оба могли продлить как угодно долго из-за своего весьма и весьма свободного графика. Перед Дмитрием Ларионовым на столике стоял большой прозрачный бокал с ручкой – в нем травяной горячий чай с лимоном и мятой. Иван Водопьянов пил латте и ел морковный торт.

За гостями наблюдали двое официантов, готовые ринуться к столику – обслуживать по первому разряду молодых скромников в серых толстовках.

И неудивительно, ведь «Радужный мост» теперь принадлежал Дмитрию Ларионову, а построил отель его отец.

– Весь город словно с ума сошел, – хмуро сказал Ларионов. – Сiju в лаборатории – врываются ко мне Жуковский из второй химии и лаборантки. Только и разговоров – женщину нашли на остановке убитую. Опять. Еще одна... Сказали – остановка, что у Новых домов. Там полиции полно было.

– И мне наши в офисе сообщили. Я до базы даже не добрался сегодня, – Иван Водопьянов вертел в руках стакан с кофе-латте. – Они в офисе работу бросили, рванули туда. Смотреть. Сказали – жуть. Опять в том же виде... Полиция там все огородила – остановку, место, но все равно ведь такое не спрячешь. В общем-то я чего-то в этом роде ждал, когда узнал, что эта женщина пропала – ну, из булочной... Все дни только и разговоров в городе. Стыдно признаться, наши в офисе ставки делали, тотализатор – сбежала ли она от мужа или же... Ну, это самое... А ее убили. Я десятки раз в эту пекарню заезжал по дороге домой. У них всегда хлеб хороший, свежий.

– И я заезжал, – Дмитрий Ларионов отпил глоток горячего чая. – Василиса там сладости покупала, улитки с корицей. Они у них лучше, чем здесь, у нас в отеле, хотя здесь повар хороший и кондитер. Знаешь, Ваня, я, когда все это началось, ну, когда первую нашли на остановке, подумал – это что-то вроде одной из твоих компьютерных игр. Типа – беги, или умри, или прячься.

– Какая, к черту, компьютерная игра! Город словно шизанутый. Все словно шизанутые. Мы же здесь не дураки, мы все всё отлично понимаем. Когда такое начинается происходит и длится, не заканчивается никак... И полиция ни черта не делает.

– Они делают что могут. Наверное. Мне хочется так думать. А то уж если совсем без всякой защиты... Я Василисе позвонил, как узнал – предложил как в прошлый раз.

– А что ты ей предлагал?

– Уехать отсюда. Можно в нашем отеле в Дубне жить. Это же мой гостиничный комплекс. Там я могу любой люкс занять. Все равно сейчас дела не ахти идут в гостиничном бизнесе. На базу в свою лабораторию я бы на тачке ездил – чего тут ехать-то? Так Васька не хочет. Уперлась. Как это мы из своего дома уедем, такого красивого нашего дома... Что это за жизнь в отеле! И что, мол, еще неизвестно, может маньяк из Дубны, а к нам в городок только наведывается от случая к случаю. Отказалась уезжать наотрез.

– В ее положении, Дима... Привыкай. Капризы беременных, и все такое.

– Она и в марте отказалась от переезда. Я тогда предложил в Москве квартиру снять, хоть на Патриарших, хоть где хочет – тоже отказалась. Она любит наш дом. Она столько переделала там, и стало лучше. У Василисы отличный вкус. Я думал, когда мы поженились, – как она впишется? Ну, во все это – наш дом, там ведь столько всего от мамы осталось, от отца. Я боялся контрастов и менять ничего не хотел. Но она вписалась – все оставила и вместе с тем многое поменяла. И теперь это наш с ней дом. Но я как подумаю, что по улицам безнаказанно бродит тот, кто оставляет эту чертовщину на остановках... А Васька там одна в огромном доме, пока я в лаборатории сижу за компом, – меня озноб бьет.

– Что, если нам на паях нанять охрану? – спросил Иван Водопьянов.

– Я ревнивый до невозможности, – Дмитрий Ларионов снова отпил глоток чая с мятой. – Это еще хуже – сидеть на базе и знать, что она дома наедине в каком-то мускулистым Рембо.

– Я шучу насчет охраны, – усмехнулся Иван. – Не поможет секьюрити в городке шизанутых. Но делать что-то нужно.

– В смысле? Что мы можем?

– Многое мы можем, но... Если хорошенько мозгами пораскинуть, мы – ты и я – можем купить весь этот городок с потрохами. Без базы, конечно, – это нам не потянуть. Но инфраструктуру купим легко, и еще бабки останутся. Мы – ты и я – в общем и целом – отцы этого города. Столпы общества.

– Никто об этом даже не думает. Всем плевать. Можем пыжиться сколько угодно – дальше этой веранды, дальше моего отеля наши амбиции, Ваня, увы...

– Конечно, такого влияния, какое было у твоей матери, нам не достичь, – согласился Иван Водопьянов. – Но городской администрации мы можем заявить... Они жопу должны оторвать от стульев наконец-то и задуматься о том, что в городе творится. Спросить с полиции.

– С городской администрацией это у тебя связи, – улыбнулся Ларионов. – Я туда не вхож. Но, по крайней мере, я знаю одну *жопу-симпампончик*, которая по одному щелчку твоих пальцев, Ваня, от стула оторвется и полетит на крыльях...

– В морду получишь сейчас.

– Дам сдачи.

– Если серьезно...

– Да я серьезно, Ваня. Извини за стеб. Просто так скверно на душе. Никто ничего пока не может сделать. Потому что точно пока никто ничего не знает. Ни мы – никому не нужные отцы города, ни администрация, ни полиция. Одно я вижу отчетливо: город медленно, потихоньку сходит с ума, и это состояние, оно... лишь усугубляется.

– Одичание, – кивнул Иван Водопьянов. – Какая-то первобытная дикость, что воскресла и лезет из всех щелей в последние годы. Ты не замечаешь? Я еще радовался, что наш городок от этого избавлен. Что дух просвещения все еще теплится здесь, как сальный огарок. А в других местах... Вон, Касперский в парке гик-фестиваль устроил научно-технический как способ глянуть, сколько еще нас осталось... Где мы ютимся – по каким сусекам и закромам. И почему это возвращение к славным традициям прошлого отдает все больше и больше такой архаикой... такой сермяжно-лапотной дикостью, которой и при совке-то не встречалось. Прошлым летом в Ростове-на-Дону хотели провернуть что-то типа фестиваля для косплейщиков, казачков позабавить. Технологии, инновации... А там вырядились все в штаны с лампасами и дремучие

папах. Бабы какие-то пляшут в полушалках, визжат, мужики шашки над головой вертят, удаль показывают. И мух тучи над всей этой тусовкой – мухи с дворов летят, где скотина испражняется. Навоз бы сначала убрали, а потом плясали, шашки вертели. Я на улицу Тверскую давно не ходок – говорят, там лавку открыли какие-то не пойми кто, хвалятся что «хлебушок» то ли «камушками мелят» то ли жопами своими каменными. И объявление с орфографическими ошибками на витрине – типа, мол, «пидарасов в лавку не пускаем». Это на Тверской-то, в центре столицы – эпатаж или угроза? Если они теперь опираются вот на это? На орфографию с ошибками и угрозы? Что делать нам, появившимся на свет в ЭРЕБе – закрытом храме науки, трепетно взращенным нашими просвещенными папами и мамами в мечтах о дальнем космосе и прогрессе науки? Как нам жить дальше в царстве одичалых, бородастых, архаичных жоп?

– Как и жили до нас. – Дмитрий Ларионов смотрел на садик отеля. – Мама обожала фильм «Воспоминания о будущем». В семидесятых вся страна от него балдела, говорят. Я в интернете глянул – так, ничего, забавно. Вроде как для детей про пришельцев. Сказка. Или это мы стали старыми циниками, хоть и молодые снаружи? Сказок уже не сечем? Там, в фильме, одна из идей печальна: никакие инновации, никакой прогресс, даже опередивший нас на многие тысячелетия инопланетный разум, ничего... ничего, ничего не может поделаться с архаикой, с мракобесием, с этой нашей первобытной дикостью, которая внутри нас и сочится из всех пор, едва открываются какие-то – не знаю, шлюзы провластные, или небесные врата, или наши сердца – тайна за семью печатями. Ты не переживай по этому поводу, Ваня. Все это так пафосно... А пафос по нынешним временам убогий стал, как новости науки и культуры Яндекса. Реальность же состоит в том, что в нашем городе убивают людей. И нам всем страшно от этого. Потому что мы не понимаем и...

– Потому что вздрагивать стали при каждом ночном шорохе, как чокнутые параноики. – Иван Водопьянов на середине вагнеровского «Входа богов в Валгаллу» кинул крошки морковного торта подскочившим на веранду воробьям. – Когда мне домработница позвонила и сказала, мол, у Чеглакова окно высадили, я по ее тону заполошному понял, что старуха себе вообразила. Что *маньяк там, в доме*. Что уже в дома начали к нам врывать.

– Вот поэтому я и хочу, чтобы Василиса уехала из города. Она теперь не только за себя в ответе, но и за нашего ребенка. Но она отказалась наотрез. Как мне быть с ней?

– Настаивай на своем как муж, как мужик.

– Она такая самостоятельная.

– Что нам делать с упрямой бабой? – заулыбался теперь Водопьянов, до этого пребывавший в весьма мрачном настроении. – Я тебя предупреждал как другана: не женись.

– Я ее люблю, – сказал Дмитрий Ларионов. – Она все, что у меня есть в жизни. После смерти родителей, считай, она меня спасла.

– Может, все закончится? Сколько же можно... сколько уже женщин, жертв... Хотя вряд ли все это закончится само собой. Не то это дело.

– Ты насчет мастеров спрашивал, стекольщиков – я позвонил в Дубну, в гостиничный комплекс. Завтра приедут – передай Константину, что вся бригада в его распоряжении.

– Ты сам ему позвони и скажи, – ответил Иван. – Он будет рад.

– Я хочу, чтобы он думал, что это твой ему подарок.

Иван Водопьянов глянул на приятеля. Странная улыбка появилась на его красивом лице – немножко кривая, слегка растерянная и полная затаенной надежды.

Он допил свой остывший латте.

Воробьи, чирикавая, увлеченно склевывали с пола веранды крошки морковного торта.

Глава 11

Другие

Алла Мухина достала из кармана куртки связку ключей и открыла дверь кабинета, запертого полковником Краповым из министерства.

Они с Катей вернулись в отдел полиции. Крапов остался в боксе-прозекторской с патологоанатомом.

Катя до самого конца, до дверей кабинета, сомневалась, что Мухина покажет ей *других*. Но Алла Мухина явно использовала отсутствие куратора из министерства для расширения поля собственных действий и возможностей. Может, в ней говорила профессиональная ревность, но скорее профессиональная злость: *что же ты такой министерский, умный и скрытый, а вот не помог нам ничем. Ты так же бессилен и беспомощен, как и мы, кто колупается здесь, в отделе, «на земле».*

В кабинете – стойкий, не выветрившийся запах табака. Два стола – оба завалены кипами папок и бумаг. На стене доска – та самая. И на доске – множество фотографий.

У Кати перехватило дыхание от одного взгляда на эту доску.

Мухи...

Мухи, мухи, мухи...

Казалось, они облепили все, каждый квадратный сантиметр.

Эти снимки...

И лишь подойдя ближе к доске, Катя поняла, что эти многочисленные фото – лишь разные ракурсы – тех, кто был обнаружен на местах происшествий.

Крылья из прозрачного пластика, черные мешки с приклеенными кругами блестящей пленки, имитирующей глаза насекомого...

Голые женские тела...

Головы, повернутые в каких-то невообразимых ракурсах, словно у женщин-насекомых, у трупов-инсталляций, не было костей.

– Сколько же их всего, Алла Викторовна? – спросила Катя.

– Четыре, считая с Натальей Демьяновой.

– Четыре жертвы?! Но здесь... я думала их больше.

– Это просто фото. Эксперты старались как могли. Для наглядности. – Мухина подошла к доске. – Здесь все поделено на сектора – первый, второй, третий. В четвертом пока только вот это, – она указала на увеличенную фотографию явно из семейного альбома.

Со снимка с насмешливым задорным вызовом смотрела темноволосая женщина лет за сорок – на круглых щеках ямочки, глаза и губы густо накрашены.

Кате вспомнилось сине-багровое от удушья лицо, когда там, на остановке, эксперт разрезал и снял с головы Натальи Демьяновой мешок с кругами. Вытаращенные глаза, светлые патлы крашенных волос, прикушенный язык. Никакого сходства... Мертвые, покаленные не похожи на живых.

Катя разглядывала снимки – нет, без пояснений не понять.

Мухина указала на фотографии справа. Чудовищный труп, остановка автобуса. Кругом сугробы.

– Первая жертва – Саломея Шульц, – сказала она. – Двадцать девять лет. Профессиональный музыкант. Ее нашли на остановке напротив автобусной станции. Это случилось два года назад, в январе, на новогодние праздники. Она пропала пятого января. Нашли ее вот в таком виде девятого января.

– Она местная?

– Нет, из Дубны. Работала аккомпаниатором любительского симфонического оркестра – в Дубне есть такой, – физики сами себя развлекают, играют классику и джаз, и наших там тоже немало музыкантов-любителей. Но пятого января оркестр не собирался, у нее был здесь, в городе, сольный концерт. Она пропала после него. Нам сообщил о пропаже ее приятель.

Катя слушала внимательно.

– Мы в первый раз даже и не поняли, с чем имеем дело. Посчитали это какой-то пьяной выходкой, надругательством над телом – ну, пьяницы, наркоманы... Это же было сразу после новогодних праздников, хотя у нас здесь ничем диким, экстраординарным праздники никогда не были отмечены. – Мухина указала на фотографию внизу: – Это Саломея Шульц... живая.

Миловидная темноволосая девушка за роялем. Короткая стрижка, улыбка. На рояле – ноты. Вокруг – пустые пюпитры, стулья.

Репетиция любительского оркестра Дубны, где играют физики-лирики.

– Больше года все было тихо-спокойно, – продолжала Мухина. – А потом, двадцать пятого января, на остановке было найдено тело Евгении Бахрушиной. – Она указала на новый снимок.

Остановка автобуса, сугробы вокруг. И женщина-насекомое. Крылья, жуткого вида глаз-плоски. Та же непотребная поза, что и у тела Натальи Демьяновой: труп лежит на спине на обледелом полу остановки. Крылья из пленки, голые ноги задраны и прислонены к железной скамейке, раздвинуты так широко, словно женщина-насекомое готова к половому акту.

– Мы не знали, что она пропала. И родственники оказались не в курсе. Никто ее не искал. Она была в недельном отпуске – работала старшим библиотекарем-хранителем в городской библиотеке. Здесь у нас солидное собрание, еще академик Вяткин заложил его основу, другие пополняли. Она собиралась на пять дней в Петербург, у нее имелся билет на поезд из Москвы. Но до Москвы Бахрушина не доехала. Родственница недоумевала, почему она не звонит и на звонки по мобильному не отвечает, но дальше недоумения дело не пошло, грешили на сбой мобильной связи. Что она по Питеру гуляет. А ее двадцать пятого января нашли здесь, в городе, на остановке автобуса. Здесь снимки с места происшествия. Крупный план странгуляционных борозд на шее. А это как она выглядела в жизни.

Увеличенное фото из паспорта. Темноволосая, чуть полноватая женщина лет сорока.

– Ну, конечно, это убийство заставило нас уже на всю ситуацию взглянуть по-иному, – продолжала Мухина. – Сами понимаете. Крапов приехал из ГУУР. Мы уже осознали, что имеем дело не с обдолбанным наркоманом или свихнувшимся пьянчужой, а с более серьезным типом. По городу сразу поползли слухи. Все моментально вспомнили прошлогоднее новогоднее убийство Саломеи Шульц. Город встревожился, испугался. А в марте, снова на автобусной остановке, нашли тело Марии Гальпериной.

Новое фото. Остановка автобуса. Асфальт чисто убран. У дорожного бордюра – замерзшие лужицы льда. Женщина-насекомое валяется, как тюк, на асфальте у остановки, голова обращена к проезжей части. Крылья из пленки широко распахнуты ветром, и видно голое тело. Полные груди, темный лобок.

Рядом – фотографии прижизненные. На них Мария Гальперина – тоже женщина лет сорока, темная шатенка – снята в полный рост, в резиновых сапогах, с садовой лопатой в руках. Улыбается. На другом снимке тоже улыбается – на диване с пультом в руках. На третьем она же – тоже на диване, а рядом мальчики лет по шестнадцать – близнецы.

– Ее сыновья, – пояснила Мухина. – Саломея Шульц и Евгения Бахрушина были обе не замужем, работали. А это замужняя женщина, домохозяйка. Не работала ни дня нигде. Ее муж – совладелец фирмы стройматериалов, бизнесмен. Она поехала к матери в Дубну и не вернулась домой, и в Дубне ее не оказалось. Это случилось девятого марта – сразу после праздника. Муж всполошился, когда она не приехала вечером. Сообщил в полицию. Мы сразу начали поиски. А двенадцатого марта ее тело было брошено на автобусной остановке напротив мага-

зина стройматериалов, которым ее муж владеет. Это на окраине города, в Новых домах. Недалеко от этого места, там же, в Новых домах, на следующей остановке, мы сегодня нашли тело Натальи Демьяновой.

Катя смотрела на женщин ЭРЕБа. Какими они были при жизни. И что с ними сделал убийца.

– Шульц молодая, – сказала она. – Все остальные намного старше.

– Библиотекарше Бахрушиной тридцать семь было. Это она просто так выглядит на фото. Марии Гальпериной сорок три, Наталье Демьяновой – сорок пять... Баба ягодка опять.

Мухина устало опустила на стул. Катя оглядывала доску, переходила от снимка к снимку.

– Три темноволосые, лишь Наталья Демьянова блондинка.

– У нее по жизни тоже темные волосы. Она покрасилась пару недель назад. Мы проверили в салоне красоты.

– Сменила имидж, – кивнула Катя. – Ради булочника своего. Или чего-то испугалась?

– Вряд ли она о чем-то таком помышляла, хотя сейчас весь город настороже. Но... нет, не думаю, что она сменила цвет волос с перепугу. Просто хотела выглядеть моложе. Я ведь тоже крашусь. – Мухина провела ладонью по волосам. – К полтиннику мы все – платиновые блондинки.

– Все они были задушены?

– У всех причина смерти – механическая асфиксия.

– А шейные позвонки?

– Как я и сказала, им ломали два шейных позвонка, что влекло паралич, и в таком беспомощном состоянии они находились от трех до четырех дней... где-то. В это время с ними проводились, так сказать, манипуляции... Их душили – каждый раз разным способом и не до конца, не до смерти. Использовались жгут, веревка, проволока и руки... Их душили руками тоже. Никаких следов ДНК ни на телах, ни на костюмах, в которые убийца их переодевал, мы не нашли. Все всегда было тщательно обработано либо автомобильным лаком, либо...

– Чем? – спросила Катя.

– Аэрозолем от насекомых. От мух, – начальница ОВД смотрела на доску с фотографиями. – Наверху снимки тела Марии Гальпериной, той, что пропала и была убита в марте.

Катя глянула на верхние снимки, и сердце ее ушло в пятки.

Это были крупные планы, сделанные экспертами: голова женщины уже после того, как с нее сняли жуткий мешок, имитирующий голову насекомого.

Но голова Марии Гальпериной пугала и своим обычным видом – создавалось впечатление, что она почти оторвана от тела. На одном снимке она завалилась, опрокинулась назад так, что темные волосы почти касались спины, укрытой пластиком.

– Когда она лежала на остановке с задранными ногами, все выглядело, как и у двух предыдущих жертв, – пояснила Мухина. – Когда же мы стали тело осматривать, передвигать, переворачивать, обнаружилось, что у нее шея сломана в пяти местах.

Катя ощутила, что у нее темнеет в глазах.

Она отошла от доски и тоже села на стул.

– Значит, четыре жертвы за два года, – она удивилась, как хрипло звучит ее голос в этом прокуренном, пропахшем кислым мужским потом кабинете розыска, где сами стены давили, а доска с фотографиями казалась чем-то нереальным, ненастоящим, словно кадром из фильма-кошмара.

– Для города это небывалое явление. Шок. Для нас, полиции, – нечто, с чем мы никогда не сталкивались. За все годы существования базы... Здесь произошло всего несколько убийств, и все на бытовой почве. При моем отце – два и несчастный случай на производстве. И при мне одно убийство – бытовуха пьяная, и то это гастарбайтеры у дачников. И два трупа на реке –

утонувшие. И все. И вдруг это. В городе всего две с половиной тысячи жителей. Правда, в летний период население утраивается за счет дачников, но дачные поселки расположены ближе к Дубне. Здесь кругом террасный заповедник, охраняемая природная зона, строительство запрещено. И женщины пропадали не летом, а зимой, весной и осенью. Когда дачников и туристов нет. Когда здесь только местные. Наш город настолько мал, что почти все друг друга знают. Пятьсот человек работают на базе. Половина – научный персонал, другая половина – обслуживающий персонал и охрана. Тысяча человек – это члены семей сотрудников базы. Другая тысяча – это полиция, пожарная часть, администрация, учреждения культуры, мелкий городской бизнес, учителя школ, пенсионеры, городские дурачки... Да-да, у нас высокий процент инвалидности. Дауны, аутисты. Такой процент инвалидности высок и в Дубне, и в Королеве, и в Звездном городке. С этим ничего не поделаешь. Об этом говорить не любят, но мы-то, полиция, знаем.

– Детали убийств свидетельствуют больше об извращенном уме, чем о психической болезни или врожденном отклонении от нормы, – заметила Катя. – Я у вас человек новый. Все то, что вы мне показали, я вряд ли забуду до конца моих дней. Но хотите знать мое мнение – человека со стороны? Который только что все это увидел? Знаете, что первое приходит на ум, когда видишь все эти снимки?

– Интересно было бы послушать. – Мухина сложила руки на груди.

Но по ее лицу Катя видела – нет, она обманывает.

Ей неинтересно, что думает Катя – приезжая выскочка, залетная пташка из гнезда глупой репортерской стаи.

Все, наверное, уже давно говорено-переговорено, все это обсуждалось миллионы раз на оперативках и совещаниях.

Нет ничего нового под солнцем в ЭРЕБе...

И тем не менее из врожденного репортерского упрямства Катя решила попробовать.

Глава 12

То, что первым приходит на ум

– Первое, что приходит на ум, – это ассоциации, связанные с облачением жертв. С «костюмами», – сказала Катя, глядя на фотоснимки на доске. – «Возвращение мухи» – трейлер фильма часто крутят на Фейсбуке, не того, который с Голдблумом, а раннего, пятьдесят девятого года. Там как раз нечто подобное с костюмом и гримом человека-насекомого. Только там в главной роли мужчина.

Алла Мухина смотрела на Катю.

– Мухи-дрозофилы, – продолжала та. – Каждый школьник знает, что в космосе на МКС проводят опыты с мухами-дрозофилами, их туда постоянно отправляют на грузовых кораблях. Здешняя ваша база напрямую с космосом связана, наверняка и здесь есть мухи-дрозофилы для опытов, а преступник, возможно...

– Вы пытаетесь казаться оригинальной? – перебила ее Алла Мухина. – На базе в виварии для опытов – лишь лабораторные крысы. Привозили и макак-резусов. Но это было давным-давно. А сейчас и крыс нет – две трети проектов законсервировано, нет финансирования исследований. Сотрудники работают кто неполный день, кто на полставки, кто неполную неделю.

– Первое, что приходит на ум, Алла Викторовна, это то, что убийства связаны с вами, – сказала Катя. – С вашей фамилией. Трупы жертв выставлены напоказ в общественных местах – на остановках транспорта. И внешний вид этих инсталляций – это создание образа женщины-мухи, пусть и топорно и кустарно. Но сходство с насекомым данного вида бросается в глаза всем в городе. Вы выезжаете на каждое место преступления. В городе всем отлично известно, кто вы и как ваша фамилия. Ассоциация прямая. Вы исследовали эту версию, конечно же?

– Не такие уж мы здесь тупые. – Алла Мухина поднялась со стула и отошла к окну, открыла фрамугу.

– И что? Как? – спросила Катя. – Может, это кто-то вам мстит как начальнику ОВД, как полицейскому? Кто-то, кто проходил у вас по уголовным делам. Кто затаил на вас злобу. Вы проверяли дела, поднимали?

– Два года только этим и занимаемся, – ответила Мухина. – Это маленький город, поймите вы. Ну что у нас из криминала – кражи, в основном кражи. Несколько уличных грабежей было. Дорожно-транспортные происшествия. Ничего серьезного много лет.

– Вы упоминали убийство.

– Гастарбайтеры-таджики не поделили выручку в строительном вагончике. Одного зарезали. Все отбывают наказание.

– А несчастные случаи, утопленники? Может, это тоже был криминал?

– Лодка перевернулась у рыбака. Это один случай, что был при мне. А другой – утопленника принесло течением. Там невозможно даже было провести опознание.

– А преступления, совершенные при вашем отце, когда он возглавлял отдел?

– Он на пенсию ушел в восемьдесят девятом году. Мне же не по наследству должность передавали. До меня здесь были другие начальники отдела, часто менялись.

– Но вы версию, что это как-то связано с вами как сотрудником полиции, что вам кто-то мстит таким вот диким способом, устрашая и вас, и весь город, все равно проверяли и проверяете, несмотря на очевидное отсутствие дел, за которые кто-то хочет с вами посчитаться...

– Я уже сказала – мы здесь не дураки.

– Поэтому и дочь ваша с вашим внуком в Москве, у вашей сестры, а не здесь, в городе, да? – тихо спросила Катя. – Как давно?

– В марте ее к сестре отослала, – сухо ответила Мухина.

– Если не с работой связано, то возможны личные мотивы для мести. Ваш муж бывший?

– У него давно уже другая семья. Он живет в Москве. Уважаемый человек.

Катя вспомнила, как в самую первую их встречу Мухина говорила о том, что «выгнала мужика за измены».

– А коварный Казанова?

– Кто?

– Муж вашей дочери. Гуляка из угро.

– Он просто гуляка. Молодой идиот.

– Но... ему же пришлось уехать, бросить службу.

– Да он сам рвался отсюда, как конь из узда! – воскликнула Мухина. – Он просто гуляка и бабник. Я... мы его тщательно негласно проверяли... У него на два случая – железное алиби. Он работал в отделе в Дубне. Масса тому свидетелей.

– Какие случаи?

– Январский с библиотекаршей Бахрушиной и мартовский с домохозяйкой Марией Гальпериной. Этот новый тоже проверим.

– А самое первое убийство, музыкантши?

– Тогда он еще жил здесь, они были вместе с моей дочерью – одна семья. Малец был на подходе, должен был родиться... Нет, это исключено.

– Но ассоциация с вашей фамилией бросается в глаза.

– Да что вы прицепились к моей фамилии?! – вспылила Мухина, но тут же взяла себя в руки. – Мы проверили сто разных вариантов, связанных с моей профессиональной деятельностью, чтобы понять, найти, где и кому я могла наступить на больную мозоль. Это не так просто, поймите. И у нас никаких готовых результатов за все это время нет. Если это действительно кто-то делает, чтобы отомстить мне... чтобы меня сняли с должности, чтобы я себе места не находила, думая о том, что из-за меня эти несчастные лишены жизни таким страшным способом, то... Я не знаю. Поймите, мы ни до чего за два года не докопались в этом направлении. Если и есть что-то подобное, то это очень личное. Глубинное. Далеко, надежно запрятанное.

Катя видела, как Мухиной все труднее держать себя в официальных рамках, говоря все это.

Личное... Глубинное... Далеко, надежно запрятанное...

– Не исключены и другие версии, которые не имеют ко мне никакого отношения.

– Что? – Катя была погружена в свои мысли.

– Я говорю – есть и другие версии, которые мы разрабатываем, и они...

– Кто вам разрешил здесь находиться?!

Окрик заставил их вздрогнуть и обернуться.

На пороге кабинета – полковник Крапов собственной персоной.

– Вы что здесь делаете? – ледяным тоном осведомился он у Кати.

– Сiju разговариваю.

– Кто вам позволил находиться в помещении оперативного штаба по раскрытию убийств?

– По раскрытию серийных убийств, о которых помалкивают областные сводки происшествий.

– Кто вам позволил?!

– Это я ее сюда пустила, – сказала Мухина. – А что?

Куратор из министерства метнул в ее сторону испепеляющий взгляд. Катя подумала: эти рыбы глаза способны исторгать пламя! Надо же, какие мы грозные.

– Это журналистка, – процедил Крапов.

– Она из нашего областного Пресс-центра, – пояснила Мухина примирительно.

– Это пресса. – Крапов указал на дверь. – Покиньте кабинет.

– Ладно, Алла Викторовна, я пойду, – сказала Катя. – Но я не прощаюсь. Мне шеф оформил командировку. Так что поработаем.

Она улыбнулась полковнику Крапову. Рыбьи глаза мигнули и налились желтым огнем.

Катя вышла из ОВД.

Смеркалось.

Ее это поразило – сумерки, вечер наступил! Как же здесь время в ЭРЕБе идет? Она ведь совсем недавно думала, что время тут застыло, как смола на холоде. Но оно, оказывается, мчится со скоростью экспресса! Вроде бы только что она ехала на такси на станцию – за окном раннее утро. Затем этот шок – остановка, труп женщины-мухи, полиция, сирены, осмотр. Затем они поехали в бокс-морг.

Сколько времени она пробыла там? Ведь даже вскрытие не начинали при ней. Лишь тело освободили от жуткого «костюма», который увезли вместе с другими собранными уликами на экспертизу в Москву.

А потом они сидели с Мухиной в кабинете, разглядывали снимки и...

Ей все казалось – время стоит на месте, а оно бежало без оглядки. И вот уже вечер в ЭРЕБе.

Если что-то и есть, то это очень личное... Тайное, глубоко запрятанное...

Ассоциация с начальницей ОВД Аллой Мухиной...

Тайное, но всем бросающееся в глаза... Первое, что приходит на ум в этом деле...

Катя потопталась во дворе ОВД, затем вернулась к стойке дежурного. В руках – мобильный. Выражение лица – растерянное.

– Ну надо же... только что помнила... и из головы вон... Улица Роз... нет, какая-то Парковая...

Молодой дежурный – он сменил прежнего мизантропа-дежурного – с интересом наблюдал за ней.

– Только что помнила, и вылетело из памяти. Вот досада. – Катя растерянно глянула на него и улыбнулась.

Он тоже расплылся в улыбке.

– Вы из Главка? По этому делу, да? Я видел, вас Алла Викторовна в кабинет штаба розыска повела, – сказал он.

– Алла Викторовна задержится допоздна. А у меня в городе дела, – растерянно щебетала Катя. – Она сказала, чтобы я вечером зашла к ней домой. Я адрес стала вбивать в мобильный и... из головы вылетел. Улица Роз... нет, это адрес космонавта Чеглакова, куда я с ней на кражу ездила, я ее адрес...

– Пятая Парковая – это точно адрес кражи из дома, – подтвердил юный дежурный. – Алла Викторовна живет на Седьмой Парковой, и дом номер семь – рядом с городским стадионом, а на углу напротив – магазин. Так что вы не заблудитесь.

– О, спасибо! – Катя оживленно закивала. – Пойду, мне еще в гостиницу по новой устроиваться!

Она вбила адрес в мобильный. И отправилась в сторону центральной площади, к научному кампусу, откуда выписалась утром.

Администраторша – странно, она была все та же, не сменилась с ночи – не удивилась ее возвращению и просьбе сдать номер на неделю. Протянула ключи от той же самой комнаты. Взяла деньги.

– Вернули вас, – сказала она. – Конечно, когда снова такое в городе! Как тут уедешь...

Катя открыла знакомый номер – все то же самое. Только белье постельное успели сменить. Она села на кровать и выложила содержимое своей небольшой дорожной сумки. Ехалато на два дня, однако...

Теплый свитер – его она всегда берет с собой. Он и пригодится сейчас. Маленький дорожный несессер – в нем банка ночного крема, его надолго еще хватит. И кое-что из косметики – самое необходимое. На самом дне обнаружилась коробочка-зачка. А в ней – аккуратно сложенные трусики-недельки из тех, что продают в магазинах «Республика». И такая же маленькая коробочка с носками – оттуда же. Носков в коробочке три пары. Они вместо тапочек сгодятся здесь, на кампусе. Рядом с кухней – прачечная, там стиральные машины стоят. По вечерам можно постирать что нужно. Но кое-что все же придется купить.

Катя заперла номер и, покинув кампус, перешла дорогу и заглянула в торговый центр.

Пусто. Почти нет покупателей. Молодежь поднимается наверх – где пиццерия, бар и кинотеатр.

В отделе спортивной одежды Катя купила две дешевые белые хлопковые футболки. И спать в них можно, и стирать легко в машине. В отделе косметики купила маленький пузырек шампуня и жидкое мыло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.